

Записки эмигрантки

18+

Ника Энкин

Ника – Энкин

Записки эмигрантки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42342589

SelfPub; 2019

Аннотация

Роман, охватывающий события трех лет жизни одинокой женщины, приехавшей в Америку из Москвы с ребенком-подростком, написан в виде дневника. Оставив в столице недвижимость и все сопутствующие атрибуты сытой жизни, она уезжает в никуда... Только для того, чтобы дать достойное будущее своему сыну. Не сожжены мосты, всегда можно вернуться назад. Вернется ли или будет идти вперед, несмотря на трудности эмигрантской жизни? Роман подкупает откровенными описаниями жизни в эмиграции. Живой яркий слог, чувство юмора и легкость повествования характеризуют стиль автора.

Любые совпадения имен и событий прошу считать случайным недоразумением

Написание этой книги заставило меня вскрыть тайники моей памяти, так глубоко зарытые и утрамбованные временем. Порой было горько до боли, порой смешно опять возвращаться в прошлое и все вспоминать сначала. Но я несколько об этом не жалею....

Пролог

Телефонный звонок прозвучал в четыре утра. Всегда, когда это случается – жди чего-то неприятного или неожиданного. Сегодняшний звонок оказался редкой неожиданностью. Звонили приятели из Штатов с новостью: я выиграла Грин карту. Заснуть после этой новости я, конечно, уже не смогла. Какой может быть сон, когда в голове начинают роиться мысли и ты понимаешь: одно дело играть, а другое дело – выиграть Грин карту. Надо принимать решение и менять комфортную московскую жизнь бизнесвумен на жизнь эмигрантки. Или не менять.

–

Мне собирать вещи? – поинтересовался сожитель Саша, проживающий в моей большой московской квартире уже более полугода.

–

Зачем же? – ответила я, соображая, нужен ли он мне вообще, а тем более нужен ли он мне в Штатах. – Наверное, можно что-то придумать, чтобы выехать вместе

1. Москва и москвичи

Я – Вероника. Ника, Никуся, Никуля, Никочка... В зависимости от настроения того, кто ко мне обращается.

Я приехала в Москву пятнадцать лет назад, выйдя замуж за москвича не по большой любви, но с уверенностью создать крепкую семью – ячейку общества. Через десять месяцев, как полагается, родила сына – Даниила. Шел 1990 год. В стране на тот момент была полная разруха. Мы проживали в двухкомнатной квартире с родителями мужа, что изначально явилось большой ошибкой. Однако альтернативы, как и у большинства молодых советских семей того времени, у нас не было. Поэтому учитывая мой независимый нрав, начальственный характер бывшей свекрови, слабую натуру бывшего мужа и, как потом оказалось, его любовь к алкоголю, наша ячейка общества накрылась медным тазом.

Удачно оказавшись в нужное время в нужном месте, я, сначала поработав на Канарских островах, стала представителем таймшерной фирмы в Москве, а затем открыла и свое туристическое агентство. У меня большая квартира, хорошая машина, дача и свой туристический бизнес. Сын учится в англо-французской школе. В общем, полный комплект сбывшихся мечтаний и надежд для таких, как я – приехав-

ших «покорять столицу». Казалось бы, живи и радуйся жизни! Но не в моем характере успокаиваться на достигнутом.

Годы перестройки и «шалых» денег прошли. Бизнес потихоньку сходил на нет – Интернет охватывал все большие пространства. Это же коснулось и туризма.

Мне было тридцать четыре, когда я стала задумываться об отъезде в Штаты и подала документы на Грин-карту. Тридцать четыре года – это средний для России возраст женщины, когда что-то еще можно успеть, но, по большому счету, уже везде поздно. Например, в Штатах многие женщины рожают в этом возрасте впервые. В России же, рожая даже не впервые, ты считаешься старородящей. В

этом возрасте уже не так легко найти хорошее место работы. И уже практически невозможно отыскать мужчину «своей мечты». Если до сих пор это не удалось сделать.

В принципе, в Москве не так легко найти свою половинку – если ты уверена в себе, знаешь чего хочешь, самодостаточна и хорошо стоишь на своих ногах. Москвич среднего возраста, более-менее обеспеченный и что-то из себя представляющий ищет исключительно фотомодел 18-23 лет. Возражения не принимаются – проверено на собственном опыте методом проб и ошибок. Таким образом, остаются лузеры (в переводе с англ. люди, потерявшие или потерявшие себя), алкоголики и приехавшие в столицу для «покорения», имеющие семьи в других городах нашей необъятной Родины. Приезжая в Москву на заработки, многие из них удач-

но решают свои жилищные и сексуальные проблемы таким образом. На самом деле их много и москвички с удовольствием принимают таких «квартирантов» с той только разницей, что арендную плату платят не «квартиранты», а еще и сама «арендаторша» доплачивает такому, с позволения сказать, мужчине. Он живет за ее счет да еще и получает деньги на пиво-сигареты. В худшем случае. В лучшем же, если женщина достаточно обеспечена и хочет сохранить при себе кавалера, – она еще и частично обеспечивает вторую семью «квартиранта». Не хватает мужчин в столице! Известны случаи, когда такие «квартиранты», отчаявшись покорить столицу, решают уехать, напоследок прихватив все, что возможно и невозможно из квартиры своего арендодателя. Вот уж правда, как добры и простодушны русские женщины и на что они только не идут, чтобы «был бы милый рядом». Ну и, конечно же, учитывая доблестный труд наших защитников правопорядка почти все «квартиранты» оказываются безнаказанными.

Сделав несколько попыток после развода найти свою половинку, я отчаялась. Моя беда состояла в том, что я всегда знала, кого я хочу и чего я хочу. И по мере того, как я становилась старше, мудрее и обеспеченнее, планка понемногу завышалась. В конечном итоге, связав свою судьбу с женатым человеком Андреем, зависла в этих отношениях на долгие годы. Я не была с ним счастлива и тщетно пыталась вырваться из этого треугольника все это время. Он не

старался быть дипломатом – слова «дочка» и «жена» часто фигурировали в его лексиконе. А еще чаще «мои».

–

Что будешь делать в выходные?– спрашивала я.

–

Мои на даче. Поеду к ним, – отвечал Андрей.

–

Пойдем, перекусим куда-нибудь, – предлагала я при встрече.

–

Я только что поел. Жена сварила суп с грибами, – гордо отвечал он.

Я прекрасно понимала, что он женатый человек и ни на что не претендовала. Зачем же всяческий раз напоминать мне об этом открытым текстом? Ведь эти моменты можно очень тонко обходить. Если ты, конечно, не хочешь ранить своего партнера (партнершу). Андрей не пытался тонко обходить. Или просто всяческий раз давал понять, где мое место. Но зачем тогда входить в отношения с другой женщиной? Ешь дома грибной суп со своей женой, а потом ложись с ней в супружеское ложе. Он не понимал меня.

Мне было больно. Однако, невольно сравнивая его с теми, кто в этот период пытался ухаживать за мной, – счет был явно не в их пользу. Кроме всего прочего, физиология брала свое. Мне хотелось постоянства в сексуальной жизни.

Отношения дали сбой, когда его жена (с которой он яко-

бы не спал) забеременела и в сорок лет родила ему второго ребенка – сына. Какой мужчина устоит в этом возрасте против сына! Я его не обвиняю. Но количество «моих» увеличилось. Я поняла, что в данных отношениях всегда буду на второстепенных ролях и надо постепенно выходить из этого треугольника.

В один прекрасный день, отвезя сына после музыкальной школы домой, я поехала на стоянку – поставить машину.

–

Добрый вечер, – раздался голос за спиной, когда, поставив машину, я выходила из ворот.

Со мной поравнялся Мерседес, из окна которого улыбался приятный брюнет.

–

Добрый вечер! – ответила я.

–

Можно Вас подвезти? – поинтересовался он.

Я села к нему в машину. И не выходила из нее почти два года.

Это был Саша. Тот самый, который комфортно жил у меня в квартире, когда пришло сообщение о Грин-карте. Нет, он не был «квартирантом». Саша – москвич со своей двухкомнатной «хрущевкой», старенькой «иномаркой» и Мерседесом в придачу к какой-то незначительной должности в Газпроме. Его мама жила в Сан-Франциско. Он симпатичен, внимателен и ненавязчив. Саша встречал-проводил, практи-

чески сразу изъявил желание поехать с нами на дачу, что меня подкупило и дало понять: человек настроен серьезно и не боится знакомиться с моим сыном. Ну, и самое главное, я очень устала от отношений с Андреем и мне хотелось своего – который рядом и в выходные, и в праздники, и на даче, и дома... Пусть даже он будет и хуже.

Ведь в России как: никто не смотрит, что ты интересна (внешне, внутренне), умна, удачлива по жизни.... Если ты одна – значит никому не нужна, значит что-то не так с тобой. И наоборот, серая мышь – никто и звать ее никак, но с мужиком – значит, полный порядок. Взяла его. А чем взяла – беременностью «неожиданной», или папой, который обеспечил ее жениху будущее, или пропиской московской, или еще чем – это уже дело третье. Правильно говорят – хороша девка, когда засватана.

Познакомившись с Сашей, я сразу же разорвала наши отношения с Андреем. Будучи в гневе, он старался не появляться в нашем офисе. У нас имелась совместная фирма, прибыль с которой по-честному делилась пополам, не смотря на наши близкие отношения. Надо заметить, что работала я одна – он только забирал свою долю. Постепенно Андрей успокоился и в дальнейшем мы остались просто друзьями.

Саша был неплохим мужчиной, но... Не герой моего романа. Через два месяца я предложила ему переехать ко мне – так удобнее, да и жили мы практически рядом. Все бы ничего, но через какое-то время я поняла, что он запойный ал-

коголик – человек может не прикасаться к спиртному месяцами, а потом сразу несколько недель запоя.

Впервые это случилось на Рождество. Я сначала не поняла, что произошло. Даниил болел ветрянкой в возрасте двенадцати лет – очень тяжело. Участковый врач напугала меня, что это может перейти в менингит. Можете представить себе состояние матери, когда ребенок так болеет. А Саше – секс подавай! Не почувствовав взаимности с моей стороны и обидевшись, он ушел среди ночи домой. На следующий день мы должны были поехать в гости, а он с утра уже выпивший. Для меня это явилось полной неожиданностью... Также, как и весь последующий период, продолжавшийся десять дней. За свои годы я много чего видела. Пил отец Даниила. Утром он вставал и шел на работу. Здесь человек «не просыхал» десять дней, мигрируя от своего дома, находящегося в десяти минутах ходьбы, к моему, пьяный, по нескольку раз в день. Черные кожаные штаны, короткая курточка и ушанка с опущенными ушами на голове (эта картина маслом будет стоять у меня перед глазами всю жизнь). Сколько раз за эти дни он прошел под моими окнами туда и обратно! Дверь я не открывала – отправляла его назад. Заразившись ветрянкой от сына, я болела очень тяжело и мне совсем не хотелось быть матерью Терезой в отношении Саши. Он звонил по телефону, извинялся, признавался в любви, плакал, просил принять его и спасти! И нес весь этот бред, который несут люди в подобного рода состоянии. К счастью, Даниил был у бабушки

с бабушкой на каникулах и не видел всего этого кошмара. Апогеем стал день, когда мне позвонили из Газпрома: сказали, что они забрали Сашу, держат его в подвале уже сутки (впоследствии, я узнала, что только таким способом можно завершить запой) и сейчас его привезут ко мне домой, чтобы я проводила дальнейшую послезапойную восстановительную терапию. Я ответила, что мне не до него сейчас и вообще впору за мной ухаживать. Тем не менее, через какое-то время раздался звонок в дверь и мой кавалер нарисовался в сопровождении двух парней атлетического телосложения. Охранников из «Газпрома».

Не буду описывать его дальнейший выход из запоя. Скажу только, что работу в Газпроме он потерял равно как и Мерседес, прилагающийся к этой должности. На сто процентов будучи уверенной, что расстанусь с ним, не могу сказать, что заставило меня поверить ему и жить с ним дальше.

2. Подготовка к отъезду

На тот момент, когда зазвенел телефон в четыре часа утра у нас с Сашей вроде бы все нормализовалось. Оговорюсь, когда я отправляла документы на Грин-карту, не думала, что мне удастся выиграть уже на третий год – новость стала полной неожиданностью. Будучи осведомленной о нелегкой судьбе эмигрантов, я решила дать Саше еще один шанс – расписалась с ним и отправила документы на него. На тот период он действительно не пил. Ко всему прочему, в эмигра-

ции легче выживать семьей – один работает-второй учится. У него специальность, востребованная в Америке. Вскоре на него пришло подтверждение – мы могли уезжать вместе.

И тут началось полное преобразование Саши в противоположного человека. Он не хотел ехать сам и всячески пытался воспрепятствовать в этом мне. Вплоть до того, что когда надо было идти в Посольство США получать визы – он говорил:

–

Вот сейчас возьму и не пойду – и ты никуда не поедешь.

За пару месяцев до отъезда он покупает новую машину, а затем новый компьютер. На вопрос: «Зачем? Мы ведь уезжаем!» – ответа не было. Слово «мы» было неприменимо к нашим отношениям. Я понимала, что он меня затачивает в болото. Моя инициатива вывезти его из страны оказалась, как всегда, наказуема.

–

У тебя сын – есть смысл уехать, а мне зачем?– спрашивал он.

–

Зачем же мы расписывались, зачем ты мне морочил голову? – в отчаянии восклицала я.

–

Я думал, ты изменишь свое решение. Что тебе надо? У тебя ведь все здесь есть. Давай останемся!

–

Счастья у меня здесь нет и будущего! И я никогда не меняю своих решений!– отчеканила я.

В конечном итоге, визы получены, все медицинские справки оформлены. Осталось только сдать мою квартиру, продать машину и улететь. За несколько недель до отъезда – запой. Я молила всех святых, чтобы он остался и я уехала бы без него, но он все-таки оклемался.

–

Или ты «зашьешься» или я уезжаю без тебя! – сказала я. – Мне алкоголики там не нужны.

Он «зашился». Для непосвященных: делают такие уколы, после которых пить нельзя. В случае, если человек выпьет – может наступить остановка сердца. Но это было уже за несколько дней до отъезда. А до этого – долгие девять месяцев ожидания, подготовки, сборов документов, сдачи различных анализов. Все мои приятельницы в один голос говорили:

–

Куда ты едешь? У тебя здесь комфортная обеспеченная жизнь. Свой бизнес, в конце концов. Кем ты будешь там – официанткой? Или за стариками ухаживать? Подумай!

Но я знала, что такой шанс упустить никак нельзя. Шансы вообще упускать нельзя – они даются не часто. «Счастье не ждут, счастье находят те, кто всегда в пути». Это мой девиз по жизни.

Основополагающими факторами моего стремления

ухать явились не материальное положение и не отсутствие жилья, как у многих. Нет! Меня угнетало хамство, отсутствие будущего у России и, таким образом, у моего сына. Я не чувствовала себя и своего ребенка в безопасности. Девиз: «Моя милиция меня бережет» не работал.

Когда Даниилу было лет одиннадцать он возвращался домой со школы, с другом. Пять отморозков лет семнадцати остановили их – забрали деньги, сорвали цепочку с крестиком с шеи моего сына и, когда Данька хотел убежать, догнали и по шее надавали. Узнав о происшествии, я сразу же побежала в милицию. Там ситуацию восприняли с юмором. Попросили привести сына для дачи показаний. Ребенку одиннадцать лет – он мне с большой натяжкой не все рассказал: для него это смесь унижения с невозможностью отомстить. Ведь маленький, но мужичок уже. Одним словом, я поняла, что толку нет от милиции.

–

Вы понимаете, каким ударом для него это явилось? – спрашивала я у милиционеров, – Вы хотите наслоить еще и поход в милицию и повторное воспоминание происшествия в виде рассказа незнакомым? Он ведь ребенок!

–

Как хотите, – говорили они, явно насмехаясь, – тогда дело открыть не сможем.

–

Давай выследим этих подонков и накажем их по-своему, –

позвонила я отцу Даньки.

Но он как-то очень вяло отреагировал, а потом Даник вставил мои мозги на место окончательно:

—

Мам, — сказал он, — тогда мне надо переводиться в другую школу. Они же меня вообще покалечат после этого.

Были еще несколько прецедентов такого же рода. Все покупаются и всё покупается. Если милиция не видит денег (желательно зеленого цвета) она даже пальцем не пошевелит. А парень растет! Это что значит? А то, что когда ему будет пятнадцать-шестнадцать я поседею, ожидая его вечером домой. А армия? Поступление в институт с военной кафедрой вовсе не освобождает парня от службы в армии, так как в России постоянно меняются законы. Особенно те, которые выгодно переиздавать. Это касается и законов, связанных со службой в армии. Я знала, что приехав в Штаты обеспечу будущее Даньке — по крайней мере дам ему шанс стать американцем и получить американское образование. Ну, а если он захочет — он всегда может вернуться назад. Выбор есть.

Я пошла на курсы американского английского. База языка у меня есть, но в глубоком пассиве. Я учила английский в школе, университете... Но как нас учили? Прочитать и понять — пожалуйста! Поговорить: а зачем? Приехав в страну надо уметь говорить. Три месяца я отходила на курсы. Уже будучи здесь, в Штатах, и открыв однажды учебники с программой этих курсов, привезенных с собой в надежде, что

они мне помогут, я поняла: нас учили не тому «американскому английскому». Не понятно зачем, мы пытались запомнить «сленг», на котором здесь разговаривают уж точно не в офисах.

Отъезд был намечен на 9 мая – день Победы. Ну, а как же иначе? Я ведь Ника – Победительница. Была сдана моя квартира, продана машина. Оставшиеся перед отъездом дни мы жили у Саши. Делались последние пломбы у стоматолога, давались указания сотрудникам оставшейся туристической фирмы, забирались документы из школы.

Накануне выезда из моей квартиры, перед сдачей ее квартирантам, вечером на кухне мы пили чай с Данькой. Было жалко покидать квартиру, которую я так любила, жалко себя. Я понимала, что мне придется пройти опять весь нелегкий путь, уже пройденный в Москве. С нуля. Путь становления. Проб и ошибок. Только в другой стране. И никто мне в этом не помощник. Я не удержалась и расплакалась. Что я делаю? Правильно ли я делаю? Ведь уезжаю не девчонкой двадцати лет, когда все легко и просто – и язык дается легко, и с работой проблем нет. Ведь мне уже тридцать восемь и я отвечаю не только за себя, но и за сына, которому четырнадцать – самый сложный возраст, когда они сами себя не понимают, даже будучи в своей стране, разговаривая на своем языке. А тут – другая страна, другой язык, другой менталитет! Не разрушу ли я ему жизнь, судьбу? Здесь, в Москве, у него хорошая школа, друзья, он отличник, пользуется уважением.

А что будет там, в Америке?

Я прощальным взглядом окинула кухню. Основное место посиделок. С какой любовью и тщательностью подбирался и продумывался интерьер, покупалась красивая посуда. Думала, для себя. Думала, навсегда. А теперь это остается в пользование чужим людям. Слезы медленно капали в чашку с уже остывшим чаем. Даниил, видя мои слезы:

—

Мама, может не поедем? Все еще можно отменить! —с надеждой в голосе. Он не был сторонником отъезда.

—

Нет, Даник, назад дороги нет! Мы должны ехать и, по крайней мере, попытаться. Чего бы нам это ни стоило!

Отдельно несколько слов о том, как мне удалось получить разрешение на выезд Даника от его отца. После развода я практически не получала денег на воспитание ребенка. Хотя отец его жив, здоров, молод и всегда был обеспечен работой. Получив алименты, сумма которых равнялась одному походу в продовольственный магазин, я поняла, что обойдусь без этой «поддержки». Такие горе-отцы, дав коробку конфет бухгалтеру, выписывающему справку о заработной плате для начисления алиментов, получают бумагу, в которой фигурирует сумма раз в несколько меньше реальной. Наше государство не считает нужным позаботиться об этом и издать соответствующие законы. Почему-то мать всегда считается «виновником торжества» — мало того, что выносила,

родила, потеряла здоровье, годы карьеры так ты еще и по жизни считаешься ответственной за здоровье, воспитание, образование ребенка.

—

Ну, ты же мать! — всегда возмущенно говорила бывшая свекровь, когда я пыталась достучаться через нее (по-женски) до ее сына. Что явилось большой ошибкой.

А что же отец? Он не считается? То есть великодушно взбрызнул свое семя и все? Ответственность снята? Можно продолжать раздавать свои сперматозоиды безнаказанно дальше? Но это ведь дети, рожденные в браке. А где же закон? Где защита материнства? В Штатах если ты женат, имеешь ребенка и разводишься — считай, что по жизни уже не принадлежишь себе. Львиная часть твоих доходов будет уходить бывшей жене и ребенку плюс недвижимость. Если она имеет место быть. Потому что существуют законы. И защита материнства.

Я счастлива, что у меня есть сын. Делала и делаю все, чтобы он был образован, здоров, воспитан, обеспечен. Но позвольте спросить: какие могут быть «разрешения» на выезд от таких горе-отцов? Какое право он имеет давать или не давать разрешение? Какое он принимал участие в воспитании, содержании ребенка, что я должна его просить разрешить вывезти сына в Штаты для обеспечения ему достойного будущего??? Только потому, что его имя указывается в свидетельстве о рождении?

И тем не менее, боясь получить отказ, я сказала ему, что еду на работу. На год. Не став говорить, что мы уезжаем навсегда. Разрешение, как вы уже догадались, я получила.

3. Нью Йорк, Нью Йорк...

9 мая 2004 года – знаменательная для России дата. День Победы. Для нас он стал не менее знаменательным – отъезд в Соединенные Штаты Америки. Все эмигранты, уехавшие в Штаты, помнят эту дату как день своего рождения. Сколько бы лет не прошло с момента, как они покинули Родину, каждый год в этот самый день они вспоминают : « Сегодня прошло столько-лет, как мы приехали в Штаты».

Это на самом деле очень запоминающийся и эмоциональный день: для всех прибывших он связан с большими надеждами. Ведь никто не знает, какой здесь путь уготовлен ему и его семье. А дорогой каждый идет своей, и дорогой очень непростой (если ты, конечно, не приезжаешь с миллионом долларов на счету). И каждому хочется, чтобы ему было легче, чем другим, но никто заранее не может сказать, как это будет для тебя именно. И все уверены, что их ждет счастливое безоблачное будущее. А иначе зачем было уезжать? И только через лет пять (столько, говорят, надо прожить здесь, чтобы понять, что такое эмиграция) если спросить большинство из тех, кто уезжал : « Смог бы ты пройти еще раз этот путь?» львиная доля этой массы ответит: «Нет». Есть счастливые, есть разочаровавшиеся, есть сомне-

вающиеся, есть потерянные и сожалеющие, что приехали сюда. Но для многих людей назад дороги нет. Обрублены концы, проданы или отданы государству дома и квартиры, потеряны специальности и, что самое главное, упущено бесценное время что-либо менять.

Это ведь начало новой жизни – причем жизни не в своей стране и не среди своих людей, объясняющихся на твоём родном языке. Приходится менять в себе многое – менталитет, понимание, культуру, поведение и даже манеру одеваться. Если, конечно, ты действительно хочешь достигнуть здесь чего-нибудь. Есть второй вариант – осесть на Брайтон-Бич. Там не надо напрягаться и менять что-либо в себе. Но об этом позже.

Самое смешное, что даже если ты прекрасно говоришь на английском без акцента, неброско одет в джинсы-майку-кроссовки, как одеваются многие американцы, все равно все видят, что ты эмигрант. Американцы в большинстве своём эмигранты – все зависит от того, как давно их родственники прибыли на эту землю. Но первое поколение (я считаюсь первым поколением) можно узнать всегда. С определенностью могу сказать, видя приближающихся за несколько метров людей: «Вот русские идут». Я уверена, точно также они могут сказать и про меня: «Русская». Как? Ведь мы можем быть из какой угодно страны... По глазам, наверное. И не только...

Итак, 9 мая 2004 года я, Саша, Даниил с котом Манулом

в клетке прибыли в Шереметьево-2 в сопровождении провожающих.

О коте Мануле я должна написать отдельно. Красавец перс, серебристый шиншилла с изумрудными миндалевидными глазами. Громадный, он весил что-то около тринадцати килограммов. Замечу, что его дед был вывезен из Венгрии и слыл самым большим котом в стране. По всей видимости, гены передались через поколение. Когда я проносила его через рамки, предварительно вытащив из клетки, все таможенники Шереметьево сбежались посмотреть на это чудо. Люди, равнодушные к котам, никогда не проходили мимо. Отличаясь необычным для персов умом, со мной он прожил семь долгих лет в Москве и был для меня как второй сын. Вопрос о том, чтобы его оставить кому-нибудь отпадал сам по себе. Не смотря на то, что нас отговаривали везти его в Штаты: здесь тяжелее найти квартиру, если с тобой животное.

Но вот позади все паспортные и таможенные проверки, девять часов полета и..... Нью Йорк ! Нью Йорк!

В Америке у нас из родственников не было никого. Не считая Сашиной мамы, которая жила в Сан- Франциско, давно получила американское гражданство, но, по всей видимости, стыдилась сына-алкоголика и не то, что не подавала на воссоединение семьи, но даже не приглашала его к себе в гости. Правда, она сполна компенсировала это хорошей материальной помощью, на которую он безбедно жил во времена после запойные. Но летели мы в Нью Йорк и встречал нас

Алик.

Алик – отец бывшего одноклассника Даника, Миши. Наши дома в Москве были рядом и дети дружили. Алик тоже выиграл Грин карту и уехал с семьей на четыре года раньше нас. Дети продолжали перезваниваться, хотя звонки становились все реже. Это и понятно – другая страна, другие друзья. Да и какая дружба на расстоянии!

Это Алик позвонил мне в четыре утра сообщить новость о Грин карте. Более того, Алик прислал Саше приглашение на работу, сыгравшее большую роль в получении визы в Посольстве США. На Алика была вся надежда и я ему доверяла, как самой себе.

Итак, аэропорт Кеннеди, Нью Йорк, все еще девятое мая. У меня сохранилась фотография, которую Алик сделал в первые минуты нашего прибытия в Штаты. Кадр века. Без смеха не взглянешь! Понурый Саша, Даник без капли оптимизма, кот Манул с разодранным носом (он все девять часов полета пытался открыть клетку и разодрал нос в кровь) и я с улыбкой победительницы «шесть на девять» – самая оптимистическая натура из всей компании. Я настолько желала уехать – всеми фибрами своей души, всем своим естеством, что на тот момент я была просто счастлива. Я была счастлива всю дорогу до Нью Джерси, куда нас вез Алик и где он проживал с семьей. Я была счастлива, когда мы стояли в пробке по дороге из аэропорта в Квинсе и, рассматривая черных в рядом стоящих автомобилях, все они казались мне родны-

ми! Ребята, я здесь, я сделала это! Настолько я была счастлива. Я, помню, обдуваемая парами счастья, обмолвилась, что какое имеет значение цвет кожи (все люди-братья), на что Алик многозначительно посмотрел на меня и ответил:

—

Я тоже так думал, когда только приехал – посмотрим, что ты скажешь через какое-то время... Здесь дискриминация – только наоборот. Черные дискриминируют белых.

Я чувствовала, что все будет хорошо, что я сделала правильный шаг, приехав в Америку и мой оптимизм придавал мне сил. Также, как и всю последующую эмиграцию.

Алик проживал в ближайшем Нью Джерси – минут двадцать езды от Манхэттена без пробок. Симпатичный зеленый городок, хорошее здание. В лобби нас встречали жена Алика Лена и сын Миша – друг Даника. Зашли в лифт. Большой, отделка – красное дерево (я сразу же вспомнила лифты в Москве – со словами, состоящими из трех букв и лужами мочи. Я говорю о простых зданиях в Москве, а не об элитных, которые составляют небольшой процент). В этом лифте шесть человек размещаются свободно. В апартаментах (здесь так называются квартиры) я не увидела конца большой комнаты – living room, которая заканчивалась громадным балконом, на котором был накрыт стол.

За разговором мои оптимистические надежды и мечты потихоньку стали испаряться. Дело в том, что когда Алик или Лена находились в Москве мы не затрагивали некото-

рые темы. Оговаривались вопросы, касающиеся выезда и что брать с собой. Сейчас же уже конкретно был затронут быт, работа, медицинская страховка.

В Штатах очень большое значение имеет информация, даже не только для вновь прибывших. Прожив в Америке много лет, ты вдруг открываешь для себя вещи, о которых и не подозревал. Никто и никогда тебе ничего рассказывать здесь не будет. Либо ты проходишь все это методом собственных проб и ошибок, либо узнаешь случайно. Третий и самый распространенный вариант – тебе, вновь прибывшему эмигранту, «помогают» эмигранты, которые уже пережили какой-то период, набили шишки, поели свою порцию г-на (как принято выражаться) и хотят передать свой опыт тебе, новобранцу. Они это делают из лучших побуждений, но опыт их не всегда бывает правильным. Причем, в большинстве случаев тебе буквально навязывают этот опыт. Ты ведь новичок – да что ты знаешь или понимаешь? Слушай старожилы!

После пары бокалов за приезд, за новых эмигрантов, Аликс уверенностью заявил:

–

Ника, я считаю, тебе надо пойти работать официанткой. Ты хорошо выглядишь, будешь получать хорошие типы (чаевые).

Честно говоря, я обалдела от такого заявления: в роли официантки себя не представляла совсем. Зная, что многие наши соотечественницы идут этой дорогой в самом начале

эмиграции. У каждого свой путь и я надеялась обойти его. Наивная уверенность!

Для себя я решила четко: никогда не буду ухаживать за стариками. Здесь этим занимаются чуть ли не девяносто процентов вновь прибывших женщин. Это называется «хомотенд» – сиделка, компаньон. Ты можешь ухаживать как за больными, так и за здоровыми. Гулять с ними, готовить, убирать, беседовать, читать. Большинству наших соотечественников - пенсионеров, ни часу не работавших на эту страну, полагается «хомотенд» – в зависимости от состояния здоровья пенсионера. Кому-то на три часа в день, а кому-то и на полный рабочий день. Также им полагается пособие, которое раз в десять больше пенсии, получаемой нашими пенсионерами на Родине, отдавшими ей много молодых лет жизни. Завершает набор коммунизма бесплатное медицинское обслуживание (включены лекарства), бесплатный транспорт до медицинского офиса, талоны на питание. Некоторые наши пенсионерские изошренные умы додумались даже вступить в сделку с «хомотендом», получая прибыль еще и на этом. «Хомотенд» якобы числится за таким-то пенсионером, но не работает. Пенсионер подтверждает присутствие сиделки, подписывает бумаги, сиделка получает зарплату, медицинскую страховку. Всем хорошо, все счастливы. Пенсионер получает свою долю. Вот уж, воистину, кому здесь хорошо!

Также была затронута тема медицинской страховки. О, это отдельная тема разговора! Сколько судеб вновь прибыв-

ших эмигрантов искалечено из-за «необходимости» иметь медицинскую страховку (иншорэнс). Да, мы все болеем. Я привезла с собой полную аптечку лекарств, которые могли пригодиться ну и, конечно, которые используются периодически. Скажу честно, большинство из них я выбросила по истечению срока действия за ненадобностью. Конечно, когда приезжают люди с хроническими заболеваниями или старики – страховка необходима. Когда приезжают относительно здоровые молодые – тоже все может случиться. Но легче заплатить за один прием, если понадобится, чем идти специально работать на самые низкооплачиваемые работы ради страховки, которой ты, может быть, никогда и не воспользуешься. Кто-то может возразить: а если операция срочная? Да, Америка капиталистическая страна, но она не даст человеку умереть без страховки. Вас прооперируют, а потом будут снимать по пять долларов в месяц в течение всей оставшейся жизни.

Забегая вперед, мне известен случай, когда вновь прибывшая молодая семья, наслушавшись «ужасов», которые могут возникнуть из-за отсутствия страховки решила, что муж пойдет работать на склад грузчиком – там обеспечивали возделенным «иншорэнсом». Ночью он работал – днем учился. Спал по несколько часов в сутки. Молодой организм – выдержит! Закончилось обучение в тот день, когда он заснул за рулем – благо, не разбился. Решили оставить работу – ради страховки! Как же без нее? Так он проработал несколь-

ко лет, страховкой не воспользовавшись. Время учебы ушло. Он остался без американского образования. И этот факт сыграл в дальнейшем не лучшую роль в его жизни.

Алик жил в дорогом городе. Города здесь друг на друге. Пять минут езды – уже другой город. Хороший город – это, в первую очередь, отсутствие черных. Соответственно, хорошие школы, что для меня было очень важно. Ты не имеешь право ходить в школу соседнего города. За этим следят и если узнают, что ты фальсифицировал документы при заполнении – будешь платить большой штраф. До этого он жил в городе, где проживает много испанцев – мексиканцев, в большинстве своем. Миша ходил, соответственно, в школу с мексиканцами. Они хорошие ребята, но живут своими низменными интересами. Алик не захотел, чтобы у его ребенка были низменные интересы – всем известно, что окружение формирует личность. Они переехали в более дорогой город и более дорогую квартиру. Хорошая школа, из-за которой они сменили место жительства, находилась через дорогу от дома.

–

Я тоже отдам Даниила в эту школу, – с уверенностью сказала я.

–

Это, конечно, твое дело, Ника, но я бы тебе не советовал сразу искать квартиру в этом городе, – заметил Алик. – Здесь цены дороже, а для тебя в первое время очень важно будет

иметь эти лишние несколько сотен долларов, составляющие разницу в цене. Я могу тебе помочь найти квартиру в том здании, где мы раньше жили.

Он был прав, заботясь о моем бюджете. С другой стороны, эмигранты «со стажем» очень ревностно воспринимают ситуацию, когда ты сразу становишься с ними на одну ступень, хотя бы даже в вопросе снятия квартиры. «Мы пожили вначале там и ты должна пожить там, мы прошли через это и ты должна пройти через это».

—

Каждый должен съесть свою порцию г-на, – любимая фраза эмигранта со стажем.

Не учитывается, что мы все разные. Приехавшие в Штаты по Грин карте не имеют права на материальную помощь от государства – они только могут посещать комьюнити колледж для бесплатного изучения языка. Лена с Аликом использовали эту возможность: каждый из них приехал без языка. Они учились и работали, по пол-дня подменяя друг друга дома: Мише на момент приезда было только десять лет, а в Америке ребенок не может оставаться один в доме, если ему не исполнилось двенадцать. Им пришлось нелегко, учитывая, что Лене язык давался с трудом и даже на момент нашего приезда, будучи уже здесь четыре года, она работала «хомотендом». У них не было в Москве квартиры, которую можно было бы сдать и получать прибыль. Они рассчитыва-

ли только на себя.

Узнав, за сколько я сдала свою московскую квартиру, они очень удивились – эта сумма покрывала съём квартиры здесь, в Штатах. Я не собиралась идти ни на какие курсы, надеясь, что мой английский плавно перетечет из своего пассива в актив, когда это будет необходимо. Я прекрасно писала на английском. Проблема была с пониманием и разговором.

–

И что, мой ребенок будет ходить в школу с мексиканцами? Нет, я сделаю все возможное, чтобы он ходил в хорошую школу, – подытожила я.

–

Ну, как знаешь, – ответил Алик, – мое дело предупредить тебя.

Но я для себя все уже решила.

Возвращаясь назад, в Москву. Мне больших трудов стоило определить сына в хорошую школу в столице. Там ведь тоже школы разные. Расселив коммуналку и занявшись ремонтом, я стала подыскивать для Даника достойную школу. Она оказалась не в нашем районе. Отличная англо-французская школа – лучшая на всем юго-западе, где мы жили. На тот момент Данька заканчивал первый класс гимназии в Кунцево и был отличником. Я пошла на прием к директору этой англо-французской школы с уверенностью, что такие дети, как мой сын нужны любой школе. На лбу директрисы большими буквами было написано: «ХАПУГА».

–

Вы не в нашем районе, – затянула она, окидывая меня взглядом цепких глазок с головы до ног: «Что с нее можно взять?» – Но пусть он пройдет тесты.

Когда я ждала Даньку в коридоре во время теста, познакомилась с родителями, дети которых пытались поступить в эту школу уже не первый год. Еще больше убедившись, что это престижное учебное заведение и попасть туда сложно.

Ребенок сдал почти все тесты на пять. Проблема оказалась с чтением – он немного говорил в нос из-за аденоидов и стеснялся этого. Поставили четверку. Я пришла к директорисе после тестов.

–

Ну, что же он не дотянул? Вы знаете, у нас очередь, многие хотят учиться в нашей школе. Я не уверена, что в этом году он попадет к нам. Разве, если кто-то из второго класса перейдет в другую школу, – она явно давала понять, что необходимо «позолотить ручку».

–

Я всегда добиваюсь того, чего хочу. Мой ребенок будет учиться в этой школе. А это Вам – сейчас весна и весенний запах будет очень кстати, – уверенно произнесла я, оставляя коробку французских духов на директорском столе. Зная, что этим не отделаюсь... Но, по крайней мере, она меня запомнит.

А дальше я связалась с моим знакомым из ФСБ, он со сво-

ими знакомыми из мэрии и, сделав ремонт за свои средства в одном из корпусов школы, я определила Даника в престижную школу Москвы. Когда мы забирали документы для отъезда в Америку я, зайдя подписать какие-то бумаги к той же директрисе, услышала ее сладкий голос:

—

Так жалко отдавать таких хороших учеников! Если вдруг что-то не сложится у вас там, я всегда возьму его назад!

Он был одним из самых лучших среди седьмых классов.

Программа обучения в российских школах очень сильная. Здесь, в Америке, дети учат в шестом классе то, что в России в третьем. Закончив семь классов в Москве, Даник уже многое знал из того, что он должен будет учить здесь. Я и так переживала, что мы будем понижать уровень обучения, переехав в Америку. А тут еще: хорошая или плохая школа? Вопросов быть не может – лучшая!

После ужина, который стал для нас уже и завтраком (мы были на ногах больше суток), стали размещаться. Ребята проживали в двухкомнатной квартире, по российским понятиям, и односпальной (однобедрумной) по местным стандартам. В ливинг-рум здесь не принято спать. Отсюда и название – ливинг (лив – жить), но не спать. Размер апартаментов определяется количеством бедрум (спален). К кухне прилегал маленький кусочек дайнинг эйрии (пространство для еды). Обычно здесь ставится стол со стульями. Ребята сделали из дайнинг эйрии уголок для Миши. Здесь вместил-

ся диванчик, на котором он спал, и телевизор на тумбочке. Двери имели место быть только в спальне и в ванной с туалетом. Все остальное – открытое пространство. Поэтому и создается видимость такого объема. Нам с Сашей постелили в ливинг рум, Даник обосновался на Мишином диване – гостям лучшее. Мише постелили на надувном матрасе там же, рядом с Даником. Обычно в такого типа квартирах живут один-два человека. Нас было шестеро плюс кот Манул и йоркширский терьер Степка.

Учитывая насыщенность событий, сон не заставил себя долго ждать.

4. Первые десять дней

У всех акклиматизация. Саша простужен, у Даниила несколько дней болит голова – спасают только болеутоляющие. Я через пару дней тоже почувствовала акклиматизацию на собственной шкуре – горло, насморк, кашель. Полный комплект. По всей видимости, сказались наши непривыкшие к кондиционерам организмы. В Америке с этим делом полный порядок – кондиционеры везде. В автобусах, метро, машинах, магазинах, школах, офисах, лобби жилых зданий, лифтах. Ну и, естественно, в самих квартирах – в большинстве домов ты сам регулируешь процесс. Включать или не включать – твое личное дело.

Климат здесь, на восточном побережье, не ахти какой. Осень хорошая, весны практически нет (даже анекдот по

этому поводу придумали: «А что, уже весна была? А я и не заметил – в душе был»). Зато зима и лето оставляют желать лучшего. Зимой сильные ветра с океана. Летом жарко и влажно. Жара в сорок градусов при сухом климате переносится значительно легче, чем двадцать пять градусов тепла при стопроцентной влажности. Ты истекаешь потом, одежда прилипает к телу. Поэтому кондиционеры используются не только для спасения от жары, но и от влажности.

Здесь все считают деньги, а особенно эмигранты. Поэтому кондиционер в квартире включается только тогда, когда на улице действительно невыносимо жарко. В остальных случаях обходятся вентиляторами или сквознячками – как у нас на Родине.

В первый же день поехали в офис Сошиал Секьюрити. Здесь каждый приехавший и проживающий имеет свой персональный номер Сошиал Секьюрити (в дальнейшем СС). По этому номеру проверяется все – кредитная история, все заслуги и просчеты, счета в банках и вся предыдущая жизнь в Америке. Знать его каждый должен наизусть, даже если разбудят среди ночи. Номер строго засекречен и вслух его стараются не произносить. Если его надо назвать в какой-либо инстанции, служащий протягивает лист бумаги, на котором и пишется этот номер. Без него ты никто. Невозможно открыть счет в банке, устроиться на работу и даже снять квартиру. Обычно его присылают в течение двух недель.

Я не просто так подробно описываю значимость СС номе-

ра. Он, этот волшебный номер, должен был продвинуть нашу жизнь в Америке на ступеньку вперед – нам надо было обустроиваться и я не могла обременять нашим присутствием Лену с Аликом. Они и так были слишком добры к нам, за что им огромное спасибо и низкий поклон.

Алик устроил Сашу на работу в фирму, где он работал водителем. Уже на второй день приезда Саша вышел на работу. Неплохая зарплата. Платили «кэш» – наличными. Иначе и быть не могло, так как у него не было СС. Я вздохнула с облегчением: хоть он работает! Но счастье мое не длилось долго. Уже на второй день он запел:

–

Устал!

–

От чего ты устал? Ты ведь не вагоны разгружаешь! Новая страна – ведь все интересно, все в новинку, я бы, наоборот, уже хотела пойти работать!

–

Я вообще не понимаю, что я здесь делаю, я все (!) бросил в Москве! Ты здесь ради сына, а я-то чего?

–

Во-первых, тебя никто не звал – ты сам захотел ехать. Во-вторых, что ты бросил? Профессорскую должность? Ты там был водителем и

здесь ты тоже водитель. Ты думал, миллионы посыпятся на твою голову сразу? Ты ничего не потерял – квартира за-

крыта, машина в

гараже, попытайся начать новую жизнь. У тебя будет Грин карта и даже если ты не хочешь здесь жить – ты просто можешь приезжать отмечаться раз в полгода, но иметь возможность навещать хотя бы маму, в Сан Франциско.

–

Мне эта Грин карта не нужна, впрочем как и Америка, – услышала я ответ.

Он не хотел начинать новую жизнь. Более того, он не понимал или не желал понимать, что мы живем у чужих людей и есть какие-то правила приличия – посидеть вместе за столом, пообщаться. Алик с Леной очень гостеприимные ребята и к ним постоянно кто-то заходил. Кто на чай, кто на ужин. Ну, а в выходные уж и сам бог велел. Русских проживало немало в здании, многим интересно посмотреть на вновь прибывших. Каждый приходил знакомиться, задавал обычные вопросы о жизни в Москве. Это нормально. Но Саша не считал это нормальным. Он не хотел понимать, что мы не дома и даже не в гостинице. Нас любезно приняли и мы должны отвечать взаимностью.

Он брюзжал, что я ему не уделяю внимания, постоянно общаюсь с гостями, сижу за столом и пью водку (сроду не пила водку). Ему было обидно – он ведь «зашит» и не может пить. Ночью ему тоже не спалось.

–

Секундочку, товарищ! – гасила я его не к месту разыграв-

шуюся страсть, – Есть такое понятие как «воздержание» и от этого еще никто никогда не умирал. Рядом спят два подростка – ты в своем уме?

Но он не был в своем уме. С каждым днем ситуация накалялась. Я и до этого особо не горела желанием, чтобы он ехал с нами, а сейчас просто стала мысленно отправлять посылы, чтобы он уехал назад. Хуже нет, когда тяжело морально. Пусть будет меньше денег, но я знаю, что делаю, что планирую, рассчитывая только на себя. Как, впрочем, и было всю мою сознательную жизнь. Не привыкать!

Пока мужчины зарабатывали деньги, Лена повезла нас с Даником по магазинам. У Лены старый «Нисан». Вождение здесь спокойное, без лихачества и агрессии. Все уступают друг другу, никто никого не старается подрезать или обогнать. Когда ты пропускаешь кого-то – благодарят, поднимая руку. Все улыбаются.

В Москве до этого я водила машину каждый день в течение десяти лет в любую погоду. Утром – в центр, вечером – в спальный район. Снег, дождь – не имеет значения. Кто водил по Москве – знает, что это такое. После этого можешь сесть за руль в любом городе. В последнее время по Москве стало практически невозможно ездить. Когда я покупала свою первую машину в 1994 году, кто-то из знакомых мне сказал:

–

Тебе это быстро надоест, вот увидишь. Ты больше будешь стоять в пробках чем ездить.

Пусть я лучше буду в пробке сидеть в уютном салоне собственной машины и слушать музыку, чем какой-то дурно пахнущий человек будет наступать мне на ноги в переполненном душном вагоне метро (в московском метро нет кондиционеров и многие из людей, едущих в час пик, наверное, не привыкли пользоваться дезодорантами. Они предпочитают *a la nature!*).

Я обожала ездить за рулем по Москве, не смотря ни на что. Будучи лихим водителем, очень любила скорость и нарушала правила движения так же, как и многие водители – иначе нечего делать на московских дорогах. Нахальство – второе счастье. К сожалению, этот девиз оправдывал и оправдывает себя до сих пор. Не нарушишь – не проедешь. Никто и никогда тебя не пропустит. Конфигурация из зажатых четырех пальцев с высунутым посередине средним и матерная речь – спутники московских водителей. Все агрессивны и такое чувство, что садясь в машину превращаются из людей в животных. Выпить за рулем – пустяковое дело. Да я и сама, каюсь, садилась за руль в нетрезвом состоянии (о чем сейчас вспоминаю с ужасом). А все почему? Безнаказанность! Ты можешь откупиться всегда. И не очень дорого. Работники ГИБДД берут все – вопрос в сумме взятки. Если ты выпил – о да, сумма сразу становится другой. И лицо работника ГИБДД из приветливого сразу становится очень серьезным: пахнет большими деньгами!

Случай из жизни. Дело было зимой. Мы с подругой, поужинав в одном из ресторанчиков на Тверской и выпив по бокалу пива, отправились в клуб, послушать джаз. В течение вечера под хорошую музыку мы потягивали коктейль с текилой. Я, пребывая в абсолютно нормальном состоянии, сев за руль поехала домой. При повороте на Кремлевскую набережную меня остановил «гаишник». Оказывается, на светофоре пару дней назад установили стрелку для поворота (раньше ее там не было). Люди по-старинке поворачивали на зеленый, не обращая внимания на новшество – вот тут и попадались. Наш доблестный страж порядка только и успевал класть купюры себе в карман. Но не на ту напал. Я всегда старалась запудрить мозги, полюбезничать, поулыбаться. Кому же охота отдавать свои кровные? Я сидела в машине и болтала со «стражем». Он уже готов был отпустить меня восвояси. И тут он вдруг посерьезнел:

–

Вы пили сегодня вечером?– напрягся он, внюхиваясь.

–

Нет, – ответила я, честно глядя ему в глаза.

–

А почему я чувствую запах из машины?

–

Я подвозила подругу – она выпила, может быть запах еще не развеялся? – высказала я предположение.

–

Мы уже разговариваем 15 минут, а запах все еще не развеялся? Это уже совсем другой разговор, это уже не «незамеченная стрелка». Пройдемте со мной!

—

Я выпила бокал пива часа три назад, – призналась я.

В конечном итоге, после длинных препирательств и дебатов мы разошлись на том, что я ему презентовала визитку своей туристической фирмы и пообещала сделать хорошую скидку, если он соберется поехать отдохнуть.

Это, кстати, очень часто срабатывало. Они даже и не подозревали, что можно дать визитку несуществующей фирмы со старыми телефонными номерами.

Существенное значение имеет на каком автомобиле ты едешь по Москве. Чем дороже машина – тем больше почета и уважения на дорогах. Среди водителей, само собой разумеется. Тебя будут пропускать: не дай бог, твой Мерседес или БМВ поцарапает какой-то Хьюндай, не уступив дорогу – проблем он потом не оберется. От греха подальше! Даже не подумают подрезать, будут держать дистанцию – одним словом, респект. Но и водители этих дорогих авто ведут себя в большинстве своем по-хамски, как бы давая понять: «Я на Мерсе, мне все можно». Поэтому когда ты на хорошей машине, чувствуешь себя в гораздо большей безопасности. Насколько можно чувствовать себя в безопасности на московских дорогах...

С каждым годом становилось ездить все сложнее. Машин

больше – люди съезжались в столицу, садились за руль. Молодое поколение подрастало, тоже хотело не зависеть от родителей и передвигаться самостоятельно. Да и более доступна стала покупка машины для каждой семьи. Времена стали другие. А дороги московские не предусмотрены для такого объема транспорта. Пробки начались немыслимые. Уже перед отъездом, в 2004 году, я частенько пользовалась услугами подземки, бросив машину возле метро. Сбылись предсказания моего знакомого со времен 1994 года. О московских дорогах и водителя можно писать очень много, но моя книга об эмиграции. Посему вернемся в Штаты.

Здесь тоже есть лихачи, которые нарушают скоростной режим, что случается крайне редко. Это моментально бросается в глаза и все говорят: «Ну, до первого полицейского». Как правило, это молодые мексиканцы или итальянцы, в которых кипит южная кровь и адреналин зашкаливает. Ездят они на двухдверных машинах спортивного типа с затемненными стеклами и воображают себя гонщиками «Формулы-1». Очень часто можно заметить таких «гонщиков» на обочине в окружении полицейских машин с мигалками.

В Америке так поставлен закон, что самому не захочется нарушать правила вождения. Если нарушил – дают «тикет». В нем будет указано, что нарушил и штраф, который водитель обязан заплатить. Если с чем-то не согласен – можно прийти в суд и опротестовать решение полицейского. Дата суда указана на «тикете». Если это парковка в неправильном

месте, то и опротестовывать нечего – лучше заплатить. Но если это нарушение правил дорожного движения, можно попытаться. В любом случае: убитое время в суде, потерянные деньги, которые водитель мог заработать, если бы не пошел в суд и, как правило, повышение стоимости автомобильной страховки на несколько лет. Вождение без «авто иншорэнса» в Америке приравнивается к преступлению.

После всей этой волокиты, потраченного времени и денег в следующий раз очень хорошо подумаешь, прежде чем нарушать что-либо.

Это я забежала вперед, а тогда, в первые дни, конечно я ничего не знала. И после московских дорог было очень приятно и безопасно здесь, на Нью джерсийских. На улицах людей практически нет – все в машинах. Никто по улицам не гуляет. Хочется подышать воздухом – садятся в машину и едут в парк. Возрастной ценз для водителей в Америке не существует. Смотришь, старушка за рулем – божий одуванчик. Возраст? Столько не живут! И ничего, потихоньку едет. И все едут за ней, никто не сигналиит, фарами не мигает и в спину бампером не подталкивает. А как им передвигаться, старикам-то?

Прошлись по магазинам. Надо было купить самое необходимое для Даника. Какие-то футболки, шорты. Даже носки здесь подростки носят не такие, как в Москве. Все это стоит недорого. Конечно, когда есть работа. При отсутствии работы деньги уходят очень быстро. Магазины поражают своим

ассортиментом даже после московских. Сейчас не те времена, когда люди, вырвавшиеся из Советского Союза в Америку в 80-е годы падали в обморок, видя изобилие товаров на полках магазинов. Так как не было ничего. Был только «железный занавес», который как шоры у лошади отделял советских людей от всего остального мира.

В Москве сейчас есть все. Цены только кусаются. Что с того, что полки завалены товаром? Сколько процентов людей могут позволить купить себе этот товар? Сколько раз в Москве я видела бабушек, стоящих возле прилавка и считающих деньги в ладошке – не хватает на кусочек сыра! А ведь хочется – такой выбор продуктов! Сердце сжимается, когда вижу такую картину. Человек проработал всю жизнь на государство, прошел войну, судя по возрасту, и ему не хватает на кусочек сыра? Да, нет детей, которые могут помочь, ну а где же наше государство? Подхожу, протягиваю десять рублей:

–
Спасибо, доченька! – а в глазах стоят слезы.

Никогда не могла равнодушно пройти мимо бездомных животных и вот таких несчастных стариков.

Мы уже неделю в Штатах. Я вся расклеилась, сильная простуда одолела меня. На улице жуткая жара, в доме сквозняки. Простуда и сквозняки не дружат друг с другом, поэтому выздороветь я никак не могу. Даник все еще мучается головой. Звонила в Москву – подруге-врачу. Она подтвердила: акклиматизация.

Вчера Алик провез нас по Нью Йорку. Основные места: Манхэттен, Даун Таун, Чайна Таун, Сохо. Все здорово, но нужно ходить пешком, чтобы все прочувствовать, потрогать, втянуть в себя Нью Йоркский воздух (или отсутствие такового), зарядиться энергетикой этого сумасшедшего города. Вот чего здесь хватает, так это энергетики!

Сегодня день рождения Алика. Он собирал гостей на реке Гудзон. В Штатах очень часто отмечают события на свежем воздухе. Удобно и недорого. Готовится барбекю,купаются фрукты-овощи и никаких салатов-оливье и подобных спутников русского застолья. Все предусмотрено: столы-лавки, место для барбекю, много площадок для игры в футбол-волейбол, чистые туалеты. С противоположной стороны Гудзона – Нью Йорк. Рядом грузины отмечают день рождения с живой грузинской музыкой. Тут же мексиканцы с испанской музыкой. Шумно, весело!

А вечером Саша чуть не вылетел на балконной решетке с третьего этажа. Услышав сирену пожарной машины (здесь они ездят часто и всегда с очень громкой сиреной), он устремился к балкону. Размер балконной двери от пола до потолка и везде натянуты на раму москитные сетки – получается как невидимая решетка. Вот он и не заметил. Ломанулся в решетку, выбив ее своим телом и остановившись вместе с ней где-то на перилах. Еще чуть-чуть и спланировал бы на ней вниз! Я развеселилась от одного только взгляда на Алика с Леной.

5. Перемены

Сегодня пошел одиннадцатый день нашего пребывания в Америке. День «задался» с утра. Открыв почтовый ящик в Интернете, обнаруживаю письмо Саши, адресованное его бывшей сожительнице – «лапусику». Полное ласковых слов и излияний. Не знаю, каким образом открылся его почтовый ящик. А может, он просто забыл выйти из него. Сейчас это уже не имеет никакого значения. Вероятно, он списывался и общался с ней и раньше. Может, он специально поехал в Америку, чтобы получить Грин-карту, а потом вытащить ее сюда. Алкоголик-алкоголиком, а успевает везде! Значит, я должна терпеть это «несчастье», все его выходки, а он будет строить коварные замыслы с «лапусиком». Это явилось моей первой реакцией на увиденное. А последующей стало несказанное облегчение – теперь уж точно есть повод не жить с ним вместе. Открытая и прямолинейная, я не умею скрывать что-то, делать вид, что ничего не произошло и вынашивать коварные замыслы мести за его спиной.

Подозвав вечером его к компьютеру, спросила:

–

Что это значит?

–

Это просто так! – сказал Саша, честно глядя мне в глаза.

–

Что значит «просто так»? Зачем ты пишешь женщине, с

которой уже давно не живешь «лапусик», а уезжаешь с женой на другой континент? Одновременно ты мне пудришь мозги, что тебе не нужна ни Америка, ни Грин карта. Значит, ты собираешься вернуться и жить в России с ней.

—

Это просто так! – преданно, по-собачьи смотрит мне в глаза Саша.

На следующий день мы с Даником поехали в Манхэттен. Посетили музей восковых фигур. Я была в подобном музее в Амстердаме – на десять голов выше. Здесь слабенько. Да и «звезды», в основном, свои. Чего и следовало ожидать. Из заезжих знаменитостей только леди Диана и Папа Римский.

Американцы – неисправимые патриоты. Это касается всего: истории, географии, науки. Они считают, что первую лампочку изобрел американский ученый. Хотя нам, русским, известно, что это не так. Даже в школе преподают только историю и географию Америки. Все преподаватели «с пеной у рта» доказывают, что чуть ли не все изобретения были сделаны американскими учеными. Даник как-то поспорил с преподавателем на предмет какого-то изобретения по физике, так как изучал это уже в московской школе. И доказал, что прав. Самое смешное, что детей в американских школах учат: вторую мировую войну выиграла американцы!

Вечером Алик показал нам еще одну «достопримечательность» Америки – «буфет». “All you can eat” – все, что можешь съесть и сколько можешь съесть. И стоит это удоволь-

ствие всего десять долларов с человека. Буфеты очень распространены в Америке. В основном держат их китайцы. Поэтому они и называются china buffet и меню, в основном, китайское.

В Америке любят покушать – это давно и всем известно. Самое большое количество толстых людей здесь, в Штатах. Нельзя стать толстым от дорогой еды, от деликатесов. Много не съешь – дорого! Зато есть такая еда как «джанки» фунд , «фаст» фунд – так называемые «рестораны быстрого питания» . Полюбившийся россиянам «Мак Доналдс», например. Я сама любила «Мак Доналдс» в Москве – иногда, очень редко. Без сомнения, быстро, чисто и съедобно. Очень удобно, когда ты за рулем и некогда искать что-либо новое. Заехал, перекусил, поехал дальше. Но в Америке есть категория людей, которые питаются постоянно в таких «ресторанах». Дешево. Эта же категория людей питается чипсами, пиццами, замороженными продуктами, громадный ассортимент которых выставлен на полках супермаркетов. И из поколения в поколение толстеют, толстеют, толстеют... Так же они кормят и своих детей. Здесь не принято перетирать пюрешки и варить супчики с фрикадельками. Кусок пиццы – и вперед (сколько раз наблюдала картину, когда мать кормит годовалую малышку пиццей)! Естественно, малышка впоследствии балериной уже не станет. Это люди с низким достатком и низким интеллектом. Впрочем, отсутствие интеллекта написано у них на лице.

В Америке, в принципе, не умеют готовить и не заморачиваются на эту тему: жизнь слишком коротка и дана не для того, чтобы большую ее часть простаивать на кухне, а потом мыть посуду, плиту, раковину, пол. Люди более обеспеченные идут «аут» или заказывают «ту гоу». Что означает пойти куда-нибудь поесть или заказать еду из ресторана с собой, домой. Либо, что чаще, заказывают доставку еды на дом (delivery). Это удобно, достаточно вкусно, но тоже быстро приедается, если заказывать пищу в одном и том же месте. Все, что я описала не касается русских. О, нет! Русские всегда делали культ из еды и многие, по-старинке, продолжают печь пироги, блины, крутить голубцы, лепить пельмени. Да-да! Вы не ослышались! Лепить пельмени вручную не смотря на то, что в любом русском магазине здесь можно купить достаточно вкусные пельмени, слепленные вручную где-то в Бруклине. Но это уже личное дело хозяек.

Итак, вернемся к «буфету». Многие в России знают, что это такое. Перед нашим отъездом в Америку уже имели место быть знаменитые в Москве «Дрова» и «Елки-палки». Ассортимент, правда, там оставлял желать лучшего за те деньги, которые они взимали за «телегу». Для тех, кому не посчастливилось отведать сие, объясню. В виде телеги сделан большой стол, на котором выставлены русские разносолы – свекла, капуста, грибы, селедка, солености, холодец, картошка и гречневая каша в горшочке. Не знаю, какая ситуация с «телегой» сейчас, но в самом начале, году этак в 1998-1999

желающим соблазниться разносолами разрешалось подойти к «деревенскому средству передвижения» один раз со среднего размера тарелкой. Представьте, сколько может вместиться в эту тарелку капусты-морковки, которыми наестся невозможно и какие горы смешанной капусты-картошки-оливье-гречки возвышались у тех, кто шел с этой тарелкой от «телеги» к своему столику.

Здесь в «буфете» есть все. Со мной, объездившей немало стран и что-то повидавшей на своем веку, случился небольшой шок. Салаты, сырые овощи, различные соусы к ним, роллы (правда, не с сырой рыбой, но с крабовым мясом). Горячей еды блюд тридцать (рыба, мясо, курица, овощи в разных вариациях), большие креветки и даже крабовые ноги. Здесь же есть и «джанки» – картофель фри, курица фри и остальные «фри». Для тех, кому этого недостаточно или кто хочет приготовить что-то на собственное усмотрение, предлагается «хибачи». За раскаленной плитой стоит китаец и готовит прямо при посетителях овощи и мясо или креветки, выбранные ими предварительно. Проросшие зерна пшеницы, грибы, брокколи, лук, сладкий перец, мелко нарезанное сырое мясо разных сортов, куриные грудки и креветки – такой выбор для «хибачи». Все это готовится за считанные минуты с добавлением различных приправ на вкус и входит в стоимость буфета. В десять долларов. Особо благодарные оставляют китайцу «типы» – чаевые. Ну и, само собой разу-

меется, десерт. Тут и пирожные разных сортов, фрукты, кремы-брюле и мороженое. Оговорюсь, что набирать еду можно столько раз, сколько вздумается. Ешь хоть целый день!

Поэтому «китайский буфет» – Клондайк для толстяков. Я наблюдала за толстыми людьми – у них на тарелке попеременно рис-макароны-мясо-рыба. Одновременно, они несут тарелку с десертом – наверное, боятся, что им не достанется.

Прошло две недели с момента приезда. СС номер не пришел. Вероятно, что-то напутали.

С Сашей отношения все хуже. Чего я уже только не выслушала за эти дни. Я узнала о себе вещи, о которых раньше даже не догадывалась. Мне было высказано как я заработала все в Москве, что меня ждет здесь (оказывается, он еще и провидец). Не так трудно догадаться, что именно высказывает женщине озлобленный мужчина. Он, оказывается, ехал со мной в Америку, надеясь, что за океаном у нас все изменится, а я здесь стала абсолютно другой. Ну вот и изменилось!

Через несколько дней от Алика я узнала, что у Саши билет в Москву через Сан Франциско на 30 мая. С заездом к маме. Может, оно и к лучшему? Впоследствии меня информировали, что он специально взял билет через Сан Франциско, ожидая, что я позвоню и позову его назад. А я не позвонила. И не позвала. Более того, когда он уехал я сказала: Слава богу! Да, будет тяжелей финансово. Но зато никто не будет трепать мне нервы, оскорблять и чего-то требовать, не отдавая ничего взамен. Да и не любила я его никогда! Зачем он

мне нужен? Прорвемся! Тогда я еще не подозревала, сколько нервов мне будет стоить моя ошибка вписать его в Грин карту.

Сегодня последний день мая. Я очень надеюсь, что с окончанием мая закончится вся наша «маета» на нашей новой Родине – болезни, заморочки с документами и история с Сашей.

В первые дни июня мы опять поехали в офис СС. Там нам ответили, что в нашем случае мы можем ждать номер до трех (!) месяцев. А случай наш, оказывается, непростой. У нас фамилии разные с Данькой. У него фамилия его отца, а у меня – моя девичья. Вот нас и будут проверять до-о-лго – до-о-олго. Потому что в дальнейшем я буду списывать налоги за счет того, что у меня на иждивении Данька. А может, это не мой сын? А налоги-то списывать я буду! Вот они и будут проверять – мой это сын или я привезла в Америку чужого ребенка для дальнейшего списания налогов!

–

Но я не могу устроиться на работу, снять квартиру, устроить ребенка в школу! – возмущалась я.

–

А нас это не волнует! – отвечали в офисе СС.

Ну что ж, будем ждать! А что делать? Не в Москву ведь назад ехать!

Тем временем мой муж заваливал меня электронными письмами из Сан-Франциско. У него и в Москве был «бзик»

писать мне из Москвы в Москву же и высылать разные электронные открыточки, в основном эротического содержания. Что он хотел этим сказать? Сейчас он меня заваливал письмами-признаниями в любви. А что ты думал раньше? Поздно, батюшка! Назад дороги нет! На самом деле, в тот момент во мне боролись два человека. Один говорил: «Без него так спокойно, хорошо». Второй, более расчетливый, перебил: «А вот скоро снимать квартиру – какие расходы пойдут сразу же». Хочу заметить, что Саша принадлежал к типу мужчин, которые вроде и приносят зарплату, но расходы на их содержание почти равны этой зарплате: «Дай на обеды, сигареты, бензин. Туфли надо новые купить, пару рубашек не мешало бы». И от зарплаты остается «пшик»! Но не придерешься: «Я тебе отдаю ВСЮ зарплату»! Я знала, что он не изменится и все будет продолжаться постоянно. Здесь он тоже будет убегать периодически. Только не в соседний дом, а к маме, в Сан Франциско. Нет! Надо отрезать один раз и навсегда!

Через несколько дней я узнаю, что он уже в Москве. От Алика. Вот это любовь! Он даже не позвонил сказать, что улетает в Москву.

Получили Грин карты, а СС номера нет. В душе появляется какая-то безнадежность. Я понимаю, что надо бороться с этим. Не до хандры. Мне очень неудобно перед ребятами. Мы живем у них уже больше месяца. Да, состав наш сократился на одного человека, но это не меняет дела в корне.

Данька с Мишей как будто и не дружили никогда. Ничего у них не осталось общего – ни игр, ни тем для разговоров, ни языка. Что значат четыре года разного окружения! Миша дружит с испанскими ребятами. Данька скучает по своим московским друзьям.

Сегодня я заработала свои первые пятьдесят долларов в Америке. Сидела с двухлетним ребенком знакомых. Шесть часов. В Москве я зарабатывала пятьдесят долларов гораздо проще. Самое неприятное – внутреннее состояние. Ущемленное чувство собственного достоинства, что ли.

Его мать – русская, здесь давно. Замужем второй раз. Родила поздно. Ей уже за сорок. Интересная брюнетка, занимается недвижимостью. Деловой брючный костюм, туфли на каблуках :

–

Мы вечером идем в театр с дочкой в Манхэттене. Отец придет в шесть. Еда в холодильнике, ключи на полочке, – распорядилась она, уходя.

Я вспомнила, как совсем недавно, еще меньше месяца назад я точно так же собиралась на работу, выходя из своей шикарной московской квартиры. Деловой костюм, высокий каблук. Садилась в хорошее авто и ехала раздавать указания сотрудникам. Всего месяц назад! А сейчас у меня нет ни квартиры, ни машины и указания дают мне, как менять памперсы чужому ребенку.

Ребенок – это замечательно. Свой. Я понимаю, что это не

самая плохая работа. По крайней мере лучше, чем сидеть со стариками. Но я знаю точно и другое – больше нянчить детей за деньги я не буду.

Правильно ли я сделала, что уехала? Смешно сказать, но меня никто не толкал на этот шаг. Все по доброй воле, по собственной инициативе. Сколько придется терпеть, ломать себя изнутри, испытывать моральную боль и дискомфорт, чтобы добиться хотя бы одной десятой того, чего я достигла в Москве? Ведь там я прошла ох, какой нелегкий путь, чтобы быть тем, кем я была и жить так, как я хотела. Я, правда, была моложе. Да и сравнивать было не с чем. Мною двигал оптимизм, сумасшедший энтузиазм, дикая энергия и желание жить по-человечески. Сейчас, после комфортной и самодостаточной жизни в России, которой я добилась путем той же ломки, морального дискомфорта, унижений и невероятного терпения, я вернула все на нулевой цикл. С чего, как говорится, начинали... Да, по всей видимости, деловые костюмы и каблуки мне еще понадобятся ох, как не скоро.

У меня оставался выбор – я могла уехать назад в любой момент. Мне хватило бы денег на билеты. Квартира в Москве сдана в аренду, но я могла разорвать контракт. Оставалось незакрытое, на тот момент, туристическое агентство. Не поверите, за весь период моих мытарств в Америке никогда эта мысль не приходила в голову. Сдаваться? Никогда! Только вперед! Есть хороший девиз, которому я следую: «Никогда не оглядывайся! Смело встречай все, что тебя ждет

и пусть мерзавцы это знают!»

Наступил период легкой депрессии. Настроение на нуле. Документов нет, жилья нет. Мне жутко неудобно перед Аликом и Леной. Хуже быть не может – две хозяйки на одной кухне. Прекрасно понимаю Лену и ее начинающее проявляться раздражение. Еще и Саша, как выяснилось, долгов наделал. Не говоря о выломанной решетке, он умудрился за этот короткий срок пребывания несколько раз звонить в Москву напрямую. Можно только догадываться, на какую сумму пришел счет ребятам. С меня они не возьмут денег. Придется связываться с Сашей, чтобы он погасил долг.

Мы живем уже полтора месяца. Загостились. Однако я ничего не могу сделать – снять жилье не представляется возможным без этого «волшебного» номера. Я ведь не могу уйти с ребенком на улицу. В выходные приходят гости, все сидят допоздна за столом. Стол стоит в «ливинге», где я сплю. Деть себя некуда, пойти некуда, не к кому. Сидеть за столом надоело – делать красивую мину при плохой игре. Все устроены, работают, живут, радуются жизни. Мне не до веселья.

6. Новые знакомые

В один прекрасный день, выйдя с ребятами на улицу, мы встретили супружескую пару. Ими оказались бывшие друзья Алика с Леной, а теперь просто знакомые – Женя и Оля. Он – типичный еврей с грустными глазами, седой бородкой, изможденный, уставший, лет пятидесяти пяти-шестидеся-

ти. Она – приятная миниатюрная брюнетка неопределенного возраста (маленькая собачка всегда щенок). Почему «бывшие» друзья? Впоследствии, я узнала эту историю от ребят.

Они раньше жили в одном здании, в том самом испанском районе. Дружили, отмечали вместе все праздники, забегали «на кофе» в течение дня и всячески помогали друг другу. Женя работал водителем на своем лимузине, Оля – хомотендом. Все было замечательно до 11 сентября 2001 года. Небезызвестный день, когда взорвали Близнецы. У Жени заработки стали намного меньше. Не сразу. К тому времени, как мы познакомились не было уже ни заработков, ни лимузина. Он прозябал без работы что-то около полугода, ничего не подыскивая и понемногу опускаясь – строил воздушные замки. Пытался зарабатывать на сток-маркете в Интернете. Поскольку своих денег не было, а он считал, что все обязательно получится и он станет как минимум миллионером, он пытался вовлечь в это дело всех, с кем его сводила судьба. А вдруг получится? Вдруг кто-то клюнет и одолжит денег?

Оля же работала семь дней в неделю сиделкой. Причем, брала она самых тяжелых стариков – лежачих. За них больше платили. Ведь надо было как-то содержать семью...

Где-то за год до нашего приезда, еще живя в том самом испанском районе, Оля провалилась в снег возле здания, в котором жила, и вывихнула ногу. Женя, проживший в Америке уже тридцать лет и считавший, что он знает все, решил, что это их шанс заработать большие деньги. Ну не миллион,

конечно, но, как минимум, тысяч сто, которые он непременно вложит в сток-маркет и уж тогда миллион в кармане наверняка. Как? Засудить владельца здания! Да-да. В Америке такое возможно.

Можно засудить кого угодно. Поскользнулся на мокром полу в супермаркете, упал – открыл case(дело) против супермаркета. Обжёгся в кафе – case против кафе. Упал на нерасчищенной дорожке – case против владельца здания, к которому относится дорожка. Поэтому везде «для идиотов» пишут: «Осторожно, мокрый пол!», «Осторожно, горячо!». Зимой везде все чистится. Я не говорю о больших паркингах возле супермаркетов. Вы можете увидеть женщину, чистящую лопатой снег возле своего бутика или хозяина, очищающего тротуар возле своего дома. Потому что если, не дай бог, кто-то упадет на территории, принадлежащей тебе, пострадавший может подать в суд. А суд – это очень много потерянного времени, нервов, денег на адвоката, не говоря уже о повышении страховки за дом или бутик. Все застраховано. Платить будет страховая компания. Но сумма страховки возрастет.

Женя с Олей подают в суд на владельца здания. Не смотря на то, что у них уже была задолженность по квартире. Не предупредив владельца здания. Ведь можно было договориться... Через пару недель их выселяют из здания за неоплату арендной платы. Была причина. А дело? А дело не было закрыто еще на момент нашего приезда.

Поэтому все реже и реже Алик с Леной приглашали Женю с Олей в гости и старались общаться с ними по минимуму. Им было неудобно и перед владельцем здания, с кем они находились в приятельских отношениях, и перед друзьями, которых Женя пытался вовлечь в свои игры. Но это я уже узнаю потом. А пока мы, как и полагается, были представлены друг другу. Оля сразу стала приглашать нас с Данькой в гости.

—

Мы недалеко живем, вон за тем поворотом. Приходите. Вам ведь все равно сейчас делать нечего. Я вкусно готовлю.

—

Спасибо. Придем, — поблагодарила я.

Мне было их жалко. От них отвернулись все. Даже дети.

Рассказав мне историю Жени с Олей, Алик предупредил меня:

—

Ника, Женя наверняка будет просить у тебя денег взаймы. Даже не думай давать. Назад ты их не получишь.

Через несколько дней, выйдя погулять с Данькой, мы опять столкнулись с этой парой. Слово за слово — мы оказались возле их дома. Они предложили зайти.

Пара снимала трехэтажную маленькую квартиру с двумя спальнями, с отдельным входом прямо с улицы. Фактически, первого этажа не существовало как такового. Это был вход. Крутая лестница вела на второй этаж, где располага-

лась очень маленькая гостиная, в которой только и вмещалось, что пара кожаных диванов со столиком и телевизор. Здесь же размещалась кухня (студийный вариант), не отделенная стеной и гостевой туалет. Две маленькие спальни и удобства находились на третьем, хозяйском этаже. Уютно, но очень тесно. Везде расставлены фотографии Жени-Оли. Вот их свадьба. Вот Женя возле лимузина. Совсем другой человек – черный костюм, белая рубашка, бабочка. Ничего общего с этим опустившимся человеком с грустными глазами.

Навстречу выбежал черный кот и сразу ринулся ко мне.

–

Странно, он всегда прячется, когда кто-то приходит, – сказала Оля.

–

Меня кошки любят, – ответила я, глядя кота.

–

У этого кота интересная история, – продолжила Оля.– В этой квартире нельзя держать животных. Мы подписали соответствующие бумаги и, в случае, если его кто-то обнаружит, будем платить большой штраф. Взяли кота на свой страх и риск. Так он, поганец, такой умный. Как чувствует, что ему нельзя здесь быть. Только кто-то звонит в дверь, мы говорим: «прячься!» и он моментально бежит на третий этаж прятаться.

Первый раз вот вышел, надо же!

Женя оказался родом из Одессы.

Мой любимый город. Я там родилась и прожила десять лет. Мои родители и все немногочисленные родственники оттуда. Судьба занесла нас в другой город Украины, а потом не дала вырваться назад, в Одессу. Но Одесса – это не город, это целый мир. Мы жили в центре и я знаю буквально каждый камень на Дерибасовской, Садовой, Советской Армии, Соборной площади и в Городском Саду. Мы обожали прогуливаться с мамой по Приморскому бульвару и спускаться по Потемкинской лестнице в порт. Моя мама, как истинная одесситка, всегда любила покушать. В начале прогулки покупалось грамм двести колбаски. «Докторской» или «отдельной», в центральном гастрономе на Дерибасовской.

–

Порежьте, пожалуйста! – просила мама продавщицу.

Пока мы доходили до «Золотого ключика» на той же Дерибасовской, мама уже забывала, какую колбасу она ела. «Золотой ключик» – это огромный кондитерский магазин. Там и торты, и пирожные и, конечно же, изобилие разных конфет. Все стены расписаны персонажами из сказки «Золотой ключик» и очень вкусно пахнет шоколадом. Мне были более интересны персонажи из «Золотого ключика», которые я рассматривала, когда мама стояла в очереди, чем конфеты.

–

Никуля, какие конфеты купить? – спрашивала мама.

–

Мне все равно, – отвечала я равнодушно и, задрав высоко голову, продолжала рассматривать Мальвину в голубом платье с бантом.

Я, в отличие от многих детей, не любила сладкое. Мама покупала «метро в шоколаде». Практически всегда. Я даже цену помню до сих пор – тридцать три копейки за сто грамм. Обычно покупалось грамм двести, которые съедались по мере нашего дальнейшего продвижения в порт.

А одесские пляжи? Вы нигде не увидите такого, как на одесском пляже. Мы обычно ездили на Лонжерон. Вниз вела длинная лестница. Много пролетов. Тем, кто спускался было легче. Они видели блестящую полоску моря где-то далеко внизу и потные красные лица пляжников, поднимающихся наверх. Полоска моря манила. Вот сейчас спущусь и сразу же в воду. Тем, кто поднимался было гораздо трудней. Альтернативы не существовало. Сумки, коляски в руки – и вперед. На троллейбус номер два.

На пляже – камню упасть негде. Сначала ищем место. Если лежа на животе есть возможность не нюхать пятки соседа, впереди лежащего, считай, повезло!

Со всех сторон доносится:

–

Эдинька, иди скушай котлетку!

–

Ирмочка, не заходи глубоко в воду. Этот ребенок сведет меня с ума!

–

Августа, пока не съешь бутерброд – не сойдешь с подстилки!

Пойти на пляж – считалось оздоровить ребенка. Тогда никто еще не знал о вредном воздействии солнца и все шли на пляж в самую жару – к обеду.

Когда начинался «перекус», на подстилку выкладывалось содержимое необъятных баулов: литровая банка с вареной молодой картошкой, приправленной чесночком и укропчиком, бутерброды с докторской колбасой, которая к тому времени становилась уже не розового, а зеленоватого цвета, огурцы, помидоры, иногда курица и литровая банка с клубникой на десерт. Почему клубника оказывалась в банке? Потому что одесситы отрезают хвостики от клубники и пересыпают ее сахаром. В банке клубника пускает сок и это самое вкусное. Но сока мало и за него всегда шла борьба между мной и братом. Я до сих пор пересыпаю клубнику сахаром. Иначе не вкусно. Обязательно перед входом на пляж покупались семечки или рачки. Какой же пляж без семечек?

В Одессе всегда был культ толстого ребенка. Толстый – значит здоровый. Я же была очень худенькой.

–

Красивая девочка, но очень худенькая, – говорили обычно при встрече на улице мамыны знакомые.

–

Вы проверяли ее на глисты? – этот вопрос следовал обязательно.

В Одессе считали, что если ребенок худой – это стопроцентные глисты. Глистов у меня, конечно же, не было. Чем меня только не пытались кормить мама с бабушкой, чтобы «ребенок хоть немного поправился» и за него не было стыдно перед знакомыми. Тщетно!

Первые мои друзья и подруги были в Одессе... И даже первая любовь в детском саду. В честь этого мальчика я назвала своего брата, родившегося на семь лет позже, тоже в Одессе. Мы жили на Садовой. Двор, отделенный от улицы громадными чугунными воротами с калиткой в рост человека. Папа любил носить меня на своих плечах. Как-то раз, забыв, что я восседаю на нем, он вошел в эти ворота. Результат забывчивости не заставил долго себя ждать. Шишка расцвела на моем лбу ярким цветом.

Кто только не проживал в нашем дворе! И украинцы, и русские, многочисленные евреи и греки. Каких фамилий здесь только не было... Семейство Нетреба соседствовало с семьей Лившиц... Но особенно мне нравилась загадочная фамилия Попандопуло! Мы жили в большой коммунальной квартире с пятью табличками на двери – столько было семей. К сожалению, дружны семьи между собой не были. А совсем наоборот. Шла борьба за выживание. У кого больше членов семьи – тот и получает вновь освободившуюся комнату. Ивановы родили ребенка, ну и Сидоровы не должны отставать.

Впоследствии, эта постоянная борьба и невозможность улучшить свои квартирные условия и сыграла свою роль в переезде нашей семьи в другой город.

После отъезда мы продолжали ездить с мамой и братом в Одессу каждый год на все лето. Таким образом, до восемнадцати лет я посещала Одессу ежегодно и даже пыталась поступать на иностранный факультет одесского университета. По английскому получила пять, а на последнем, истории, меня срезали. Наверное, на мое место был уже претендент. Вуз-то престижный!

Ну, и особое внимание я должна уделить одесскому юмору. Я не говорю про знаменитостей. Я имею в виду юмор, который есть в каждой семье. Одесский, но с примесью своего, только тебе известного. У нас была очень шумная, типично одесская, семья. Все кричали, смеялись, ругались, пели и постоянно шутили. Поводов для шуток было не счесть, учитывая, что всю жизнь с нами прожила моя любимая бабушка, воспитавшая меня – мамина мама, таким образом «тещенька» для папы. Шпильки бумерангом летели от папы к бабушке и обратно. Бабушка в нашей семье была самой старой одесситкой и ее юмор я до сих пор вспоминаю, как вспоминаю ее с большим теплом и любовью. Ей не суждено было умереть на Родине, в ее любимой Одессе.

Когда по телевизору показывали Одессу и, особенно, когда звучала песня Леонида Утесова «Про Одессу» мы втроем – я, мама и бабушка ревели возле телевизора. Надо заме-

тить, до сих пор, когда слышу эту песню я не в силах сдерживать слезы.

Долгое время я не посещала этот город – переезд в Москву, замужество, рождение ребенка, перестройка. Не до Одессы. И вот в 1994 году мы с подругой решили на майские праздники вырваться в Одессу. Что же я вижу? Полуразрушенный город... Памятники архитектуры, которые в Европе берегли бы как зеницу ока и показывали туристам, здесь стоят как после бомбежки. Ужас!

А лица? Куда делись одесские лица? Где эта смесь кровей, благодаря которой одесситки считались одними из самых красивых женщин? Мне навстречу идут простые деревенские лица. Одесситы все давно уехали. Место их заняли Молдаванка и Пересыпь. Там всегда жила «деревня».

Разочаровавшись, я больше в Одессу не ездила. Но все равно каждый одессит мне интересен априори.

Вернемся к Жене. Он приехал из Одессы тридцать лет назад с женой и двумя дочерьми – в первую волну эмиграции. В то время большая еврейская община находилась в Бостоне, где они и обосновались. Со временем встали на ноги, открыли семейный бизнес. Купили дом. Дети закончили школу и поступили в колледж. Все было отлично. Хорошие дорогие машины в гараже, новейшая техника, дом – полная чаша. До тех пор, пока Женя не влюбился. В жену своего друга. Взаимная страсть разгорелась так сильно, что оба решили развестись. Развод для мужчины в Америке – это катастрофа.

Он теряет практически все.

Женя развелся, а его «любовь» в последний момент передумала. Наигралась и вернулась обратно в семью. Остался Женя у разбитого корыта – ни жены, ни любовницы. Более того, он потерял дом, половину бизнеса, львиную долю своих сбережений на счетах и, что самое главное, доверие и уважение дочерей. Деньги можно заработать. Доверие не купишь даже за самые большие деньги. Младшая дочь до сих пор с ним не общается. Старшая, уже ставшая врачом и проживающая в Манхэттене, старается свести общение к минимуму. Она замужем за американцем, свой бизнес, все налажено – ей не нужен лузер-отец. Тем более отец, предавший семью.

Свою половину бизнеса он продал, на что купил небезызвестный лимузин и жил все это время. Вот такая история Жени.

Оля из Новосибирска. Она приехала без документов к дочке, проживающей в Нью Джерси, ухаживать за внуком. Да так и осталась на неопределенный срок, с истекшей визой. Через какое-то время помощь мамы уже не понадобилась и дочка, с подачи мужа, зятя Оли, в прямом смысле выставила ее на улицу. Через что только не прошла Оля, пока не встретила Женю. Без документов, без языка, без жилья. Она, очень доверчивая по натуре, столько раз была обманута нашими ушлыми эмигрантами!

На момент встречи с Женей она работала в русском магазине, продавщицей. Женя зашел за колбаской. В тот же вечер

Оля переехала к нему. Через какое-то время они поженились. Женя был американским гражданином. Соответственно, через какое-то время, как законной жене, Оле полагалась Грин Карта. И все было неплохо до того момента, с которого началось наше знакомство с этой парой.

Можно понять Олю, которая «мыла жопы», как она выражалась, старикам, чтобы не протянуть ноги им двоим. Она, конечно, не только «мыла жопы», но и готовила, убирала, стирала и развлекала этих же стариков чтением книг или рассказами из своей жизни. Она была добра и безотказна. И старики этим пользовались. Как-то заставили ее помыть окна в квартире, что абсолютно не входит в обязанности «хототенда».

А что же Женя? Женя не искал работу. Он думал, что работа сама его найдет. Не смотря на тяжелую финансовую ситуацию в семье, он не хотел себе отказывать в маленьких удовольствиях, коими были сигареты и выпивка. Он курил одну за другой. В квартире можно было «топор вешать». Причем курил недешевые – заботился о здоровье. Он не был алкоголиком, отнюдь. Евреи никогда не бывают алкоголиками. Но пропустить рюмку-другую за ужином не отказывался. Пропускалась, как правило, водка. Береглось здоровье и водка покупалась самая дорогая.

И строил воздушные замки... Какой женщине бы это понравилось?

Конфликт зрел давно. Оля надеялась, что Женя все-таки

найдет какую-нибудь работу, но он не торопился. Четырнадцать долларов в час? Это мало! Он не понимал, что уже не будет тех времен: « до 11 сентября 2001 года». И тех денег тоже не будет. А надо продолжать жить и платить по счетам.

Каждый раз, когда мы с Данькой приходили к ним в гости (как правило вечером, так как находиться «дома» уже было невозможно – у нас тоже назревал конфликт), спектакль разыгрывался по одному и тому же сценарию.

Готовился ужин, садились за стол. После пары рюмок водки Оля расходилась и начинала высказывать свои претензии к Жене, взывая к его совести, а он только курил, молчал и смотрел на нее свои грустными глазами, напоминая мне старого ослика.

В один из таких вечеров я узнала, что у Оли в Новосибирске остался сын, которого она не видела уже семь (!) лет. Те долгие семь лет, которые она жила в Штатах и не могла выехать из-за отсутствия документов. Вернее, выехать-то она могла. Назад бы ее никто не впустил. С ним все в порядке, он живет с отцом. Они перезваниваются, она высылает какие-то деньги. Но не видеть ребенка семь(!!!) лет. Не потому что тебя лишили материнства, а просто по собственной воле. Мальчику четырнадцать, как Даньке. То есть в последний раз она видела сына, когда он только пошел в школу. Для меня эта новость явилась «громом среди ясного неба». Я этого не понимала и, наверное, не смогу понять никогда. Зачем нужна тогда эта Америка? Что здесь вообще делать, как жить,

когда ты знаешь, что где-то далеко, на другом континенте, живет родное тебе существо. Без тебя. Не просто родное, а вышедшее из тебя, твой кусочек, твоя плоть. Живет, развивается, взрослеет, ходит в школу, ложится спать, а ты даже не можешь его обнять и пожелать «спокойной ночи». Ты ничего не можешь! Потому что он далеко и неизвестно, хочет ли он тебя уже видеть вообще. Ведь дети жестоки! Они не прощают предательства.

Может быть, я сумасшедшая мать. Да, я согласна, жизнь – штука непредсказуемая и ситуации в ней бывают разные. Не судите и не судимы будете... Но я всю свою жизнь думала прежде всего о Данииле. Да и сюда, в Америку, приехала больше для него, чем для себя. Я знала, что этот шанс нельзя упустить прежде всего потому, чтобы дать Даньке возможность состояться как личность – у него все дороги открыты! Будучи уверенной, что сама я здесь уже вряд ли достигну каких-то высот! Но ради него, моего сына, я рискнула.

В моей жизни был всего один момент, когда нам пришлось расстаться с Даником. 1994 год. Ноябрь. Я улетала на Канарские острова по работе. Предположительно на три месяца. Мы только развелись с его отцом, но жили все вместе в одной квартире с ним и его родителями. Даник оставался с бабушкой, моей свекровью. Ему не было еще пяти лет. Может, сказалось эмоциональное напряжение после развода, а может негативное отношение ко мне бывших свекров. Не знаю! Но момент, когда мне надо было выходить из квар-

тиры с чемоданом , чтобы уехать в Шереметьево, я запомню на всю свою жизнь. Данька обхватил мои ноги и смотрел снизу, с высоты своего росточка, мне в глаза. И столько было всего написано на его мордашке, словами не передать: испуг, грусть, сожаление, крик души. Глаза ребенка, который понимает, что его бросают, оставляют, может быть, навсегда. Быть может, его бабушка настроила, что я уезжаю насовсем, не знаю. История об этом умалчивает. Я готова была бросить все и никуда не ехать. Но ехать я была обязана.

И вот, картина маслом. Я, вырвавшись из холодной, серой, промозглой ноябрьской Москвы стою на громадной террасе апартаментов, которые выделила мне принимающая сторона на Тенерифе, увитой яркими экзотическими цветами. Передо мной, метрах в тридцати, океан бьется о камни. Тепло, хорошо! Сказка! Только не нужна мне эта сказка!

Я стою и реву, как белуга. Как вы думаете, что я видела перед собой? Океан? Нет! Я видела растерянные глаза своего малыша, которые кричали:

—

Мама, не оставляй меня!

Через месяц я вернулась назад.

Но вернемся к Америке. Впоследствии я узнала еще несколько таких же мам, которые оставляли своих детей в России. Кого с бабушкой, кого с отцом. Некоторые устроившись, оформив документы вызывали своих детей сюда. Некоторые не имели возможности фиктивно выйти замуж

или получить документы другим путем. И выехать не могли уже назад – хлебнули «американской жизни». Так и продолжали переписываться- перезваниваться со своими детьми, оказывая им материальную помощь. Разбитые судьбы....

В Америке среди эмигрантов очень много разбитых и искалеченных судеб. Сколько приехавших семей разводятся здесь! Причем, вполне приличных. Под словом «приличных» я подразумеваю семьи, которые на Родине вряд ли распались бы. Что же происходит в Америке? Ведь эмиграция, наоборот, должна сплачивать! Потому что тяжело. Она и сплачивает... Вначале. А потом проверяет на «вшивость».

Маша и Олег приехали из Питера (тогда еще Ленинграда) с дочерью. Оба получили медицинское образование на Родине. В Америке, чтобы получить «лайсенс» для работы врачом надо сдать очень много экзаменов. Далеко не у всех наших соотечественников получается с первого раза. А у многих не получается вообще. Все зависит от массы факторов – способности к языкам, в частности. Ну и, конечно, все эти экзамены не бесплатные. Для этого нужны немалые деньги. Подтвердить свое медицинское образование здесь приехавшей паре одновременно непозволительная роскошь. « Сначала будет учиться Олег, а уж потом Маша», – решили ребята. Через что только не прошла Маша, чтобы дать возможность получить Олегу американский диплом. Она работала на самых «грязных» работах: и за тяжело больными ухаживала, и кровь брала у зараженных СПИДОМ...

Олег выучился. Его приняли на работу в престижный госпиталь с хорошей зарплатой. Через несколько месяцев он объявил Маше, что уходит от нее. К кому? К бывшей однокласснице из Ленинграда. Как оказалось, он любил ее всю жизнь. Не помню, жила она уже в Америке или он ее привез сюда. Но это уже не суть важно. Маша остается одна с ребенком. Без образования, без средств, а главное униженная и с разбитыми надеждами. В будущем все у нее сложилось хорошо. Она получила диплом врача здесь, вышла замуж за своего однокурсника и родила вторую дочь. Оказавшись очень сильным человеком, она не сломалась.

Еще одна пара из Ленинграда. Света и Валентин. Приехали в начале 90-х по еврейской линии. Всей семьей – папа и мама Валентина, молодые и дочь Алиса восьми лет. Молодые познакомились в геодезическом институте, где вместе учились. Валя – коренной ленинградец. Света приехала из Украины. Красивая пара. Первая любовь у него и у нее. Поженились. Через год родилась дочь. Жили с родителями, заканчивали институт. По распределению после окончания поехали на Дальний Восток. Свету матушка-природа наделила модельной внешностью, которая и сыграла решающую роль в ее дальнейшей судьбе. Высокая, стройная, натуральная блондинка с голубыми глазами. Она даже закончила курсы в ленинградской Школе манекенщиц и подрабатывала там иногда.

Так бы и жила молодая красивая семья в Ленинграде, рас-

тила ребенка, может, родила бы еще одного (Света хотела иметь троих детей), работала, отдыхала, решала проблемы и вместе старилась.

Но судьба распорядилась иначе. Отец Валентина, еврей, всю свою жизнь грезя Америкой, хотел увезти семью еще раньше, когда Валя учился в школе, но сын и мать были против. Пришло время и Валентин понял, что нет будущего в Советском Союзе. Надо «делать ноги». Он подает документы на выезд и через год семья выезжает в полном составе.

Вначале Америка показалась не такой гостеприимной, как ожидалось. Осели всей семьей в Нью Джерси, в одной квартире. Родителям государство оплачивало часть аренды и поскольку самое дорогое здесь – жилье, было сносно. Но в этом возрасте мозг не так восприимчив ко всякого рода новой информации и, в частности, к языкам. Папа понял, что в Америке его не ждали. Он, таксист, всю жизнь колесивший по улицам Ленинграда, не мог приспособиться к местным указателям, улицам, дорогам и языку. Пришло разочарование и глубокая депрессия. Мама, русская, вообще не хотела уезжать из Советского Союза – решила на отъезд только ради сына и внучки. Работать она не собиралась, впрочем, как и учить язык. Слишком поздно. Родители принимают решение переехать в Бруклин – там много русскоязычных. Надеялись, что будет лучше среди своих.

С отъездом родителей молодым приходится платить полную стоимость арендной платы за квартиру. Валентин идет

работать. Ночами. Днем он учился на компьютерщика. Света устраивается хомотендом. Было несладко. Как удалось Свете вспомнить свою вторую профессию манекенщицы? Как она, фактически без языка, нашла агентство, в котором начала работать? Сейчас значения уже не имеет. Но фортуна повернулась передом. Она стала работать в этой отрасли. Через какое-то время Светлана, человек очень общительный по натуре, становится «пиарщиком». Вращалась среди таких, как Vera Wang, Donna Karan и других известных личностей модельного бизнеса. Появились хорошие деньги. Окружение сменилось. Место эмигрантов заняли модели и миллионеры.

А что же Валентин? Он открывает свою фотостудию в Нью Йорке. Очень успешную по тем временам. Его приглашают фотографировать известных моделей на показах. Он тоже зарабатывает хорошие деньги.

Казалось бы, живите и радуйтесь жизни! Все отлично!

Но судьба строит свои коварные планы.

Надо отметить, что Валя любил Свету безумно. Первая любовь, любовь всей его жизни, «слепая» любовь и он даже не представлял, что может быть как-то иначе. Ленинградский интеллигентный мальчик, не побитый жизнью, носил розовые очки, не представляя, что живут в мире такие понятия, как ложь и предательство. Все их совместные друзья все видели, Валик не замечал ничего. Он не придавал значения частым отлучкам Светланы с подружками в бары (Валентин никогда не любил тусовок), отъездам на отдых в Мексику и

на Карибы. Опять –таки, с подружками.

А Валентин в это время занимался ремонтом дома, который они купили. Дом их мечты. В одном из престижнейших районов Нью Джерси. Год он занимался ремонтом, обустроивал «гнездышко». Ему не нужны были ни бары, ни Карибы. Он хотел устроить все для их счастливой жизни, все для своих девочек – Светы и Алиски. И вот, наконец, все готово. Последний штрих – установка джакузи в спальне. Для романтических вечеров при свечах с бокалом шампанского. Со Светланой, само собой разумеется.

Как раз через год после покупки дома и сразу же после получения американского гражданства, Света предложила Валентину пожить раздельно. Она замечательно знала своего мужа и не сомневалась, что он уйдет. Что он и сделал. Взяв только сумку со своими вещами.

Для него эта ситуация явилась полной неожиданностью. Он не мог справиться с собой – ходил, как тень. Пережил чудовищную депрессию и нищенское существование. У него порой даже не было денег на корм для собаки, купленной в свое время для Алиски, но теперь уже не нужной ей.

Возникает вопрос: «А как же доходная студия?» Никак – ремесло фотографа требует вдохновения... Не было не то, что вдохновения – не было желания жить. Валентин не представляет себе жизни без Светы. Он не видит и не слышит ничего вокруг. Он даже не понимает, что она просто предала его. Он готов лететь «на крыльях любви» назад – только

позови. Но назад не зовут. Валя решает покончить жизнь самоубийством. Уже куплен пистолет. К счастью, друг помог парню в эти тяжелые для него времена. Жизнь сохранена. Вале понадобилось долгих семь лет, чтобы прийти в себя, получить специальность и почувствовать, что он жив и хочет жить дальше. Он скитался по всей Америке, пытаясь найти себя и свое призвание. Но это отдельная история.

Светлана же, разведясь с мужем, вскоре выходит замуж за миллионера. Яхты, полеты на частных самолетах, бриллианты и все сопутствующие атрибуты роскошной жизни, о которой она мечтала, приехав в Америку, а может и всю свою жизнь. Ей не нужен был честный, добрый, порядочный и верный интеллигент из Ленинграда, который любил ее по-настоящему и продолжал бы любить всю жизнь. Заметьте, благодаря которому она приехала в Америку и стала американской гражданкой. Она променяла его на «денежный мешок», с которым, наверное, считала себя «счастливой». Конечно же, ей не нужно и семейное «гнездышко», которое она в скором времени продает, переехав в Манхэттен к новому мужу.

За все это время она даже не удосужилась набрать десять цифр телефонного номера Валентина и поинтересоваться:

—

Как дела? Все ли у тебя в порядке? Я продала наш дом — там и твои деньги. Нуждаешься ли ты в чем-нибудь?

Нет. Зачем же? Жадный, алчный по натуре человек, она при разводе заставляет Валу подписать бумаги, что он отка-

зывается даже от своих денег в пенсионном фонде в ее пользу. Одним словом, раздеть догола! Без комментариев.

Скажу только, что «Бог шельму метит». Она развелась с тем миллионером и до сих пор бежит от одного толстосума к другому, которые «ключут» на ее все еще модельную внешность. Наверное, в поисках «счастья».

Таких женщин в Америке очень много. Почему-то говорят, что женщины лучше адаптируются здесь, чем мужчины. Но эти же женщины забывают и такие простые слова, как «благодарность» и «порядочность». Что с вами, женщины? Ведь судьба бумерангом посылает все плохое назад!

7. День независимости

Вот уже почти два месяца, как мы в Штатах. Все еще живем у ребят. Опять ездили в офис СС. Ответ тот же: «Ждите, скоро придет». Судьба испытывает нас на прочность. Сколько можно?

Звонил Саша из Москвы. Нашел мой дневник, который я, по глупости, оставила у него. Любопытство и отсутствие культуры (нехорошо читать чужое) взяли верх. Наверное, там было что-то не очень приятное, он устроил мне скандал и сказал, что подает на развод. Если честно, мне все равно. Не холодно и не жарко. Обидно другое: я оставила у него очень много своих вещей, сувениров, привезенных со всего мира. Зачем? Я ведь сдала свою квартиру. Куда мне было все это свозить – не квартирантам ведь оставлять... План

был следующим: постепенно эти вещи будут перевозиться сюда, в Америку. Смешно сказать, но, приехав в мае, я не думала ни об осени, ни, тем более, о зиме, везя все самое необходимое на первое время: постельное белье, подушки, одеяла, посуду и даже кастрюли. Какие-то тетради, учебники Даниила и самые необходимые носильные вещи. На лето.

Кто-то скажет: «Да ну, ерунда, подумаешь, вещи»! Безусловно, когда нет ничего и в любом случае надо одеться. Или когда много денег и не задумываешься о тратах. Но когда прерогативой является снять квартиру, купить мало-мальскую мебель, продукты – не до обновления гардероба! Надо сказать, что, пройдясь по магазинам, которые мне показали эмигранты, я не нашла ничего интересного для себя. А обувь!? Кошмар! Все сделано в Китае. Я никогда не жалела денег на обувь в Москве – мой «пунктик». Всегда покупала хорошую дорогую итальянскую в бутиках или на рынке ЦСКА. Ведь обувь – это основное. Ты можешь одеть скромное платьице, но оно «заиграет», если ты обуешь красивые элегантные туфли. Добавим аксессуары, сумочку – и все! Комплект готов. Сколько раз впоследствии, будучи в Нью Йорке в босоножках или туфельках, привезенных из Москвы, я получала комплименты прямо на улице:

–

You have beautiful shoes. I like it. – часто говорили мне.

То же самое я слышала о кофточках, брюках и многом другом, купленном не в Америке. Здесь не скупятся на ком-

плименты и если американцам что-то нравится, они всегда об этом говорят. На что принято говорить: «Спасибо», а не как в России: «Да ну что Вы, этой кофточке сто лет в обед...» Никому это не интересно. «Спасибо» и все.

–

Красивая стрижка.

–

Спасибо.

–

Красивый лак на ногтях.

–

Спасибо, – и улыбочка.

«Боже мой, что же я буду носить, когда сносится то, что у меня есть?» – думала я, глядя на это убожество на полках. Конечно, в первый год я не знала о хороших магазинах, где можно купить все европейское. Многие эмигранты никогда в эти магазины и не ходят. Мне показали «ходовые» магазины “TJ Maxx” и “Marshalls”, в которых я в дальнейшем и покупала американскую (китайскую) одежду, пока не узнала о лучших. Но это были годы спустя.

А тогда, в 2004 у Саши оставался практически весь мой гардероб. Масса очень хороших вещей, привезенных из Европы; обувь, купленная в бутиках Москвы, несколько норковых шуб, привезенных из Греции. И много всякой всячины, напоминающей мне о моих поездках.

Сегодня четвертое июля. Большой праздник в Америке.

День независимости. В Штатах люди очень мало отдыхают. Отпусков как в Европе нет ни у кого. Две недели – максимум. И то, как правило они разбиваются по неделе. Америку называют “концентрационным лагерем с усиленным типом питания”. А еще говорят, что “здесь живут, чтобы работать, а не работают, чтобы жить”. Да, это так. Американцы – трудоголики. Но они трудоголики поневоле. Такими их сделала страна из поколения в поколение. Они уже не представляют себе жизни по-другому – все живут в кредит. В кредит покупаются дома, которые выплачиваются тридцать-сорок лет, машины... И у каждого в бумажнике стопка кредитных карточек. На первый взгляд – все есть: дом, две-три машины в гараже, полный холодильник продуктов и гардероб с несметным количеством одежды и обуви. Но все это не твое. Это замечательно, что ты можешь этим пользоваться и не жить под девизом “Вся жизнь впереди – надейся и жди”, как пелось в известной песне советских времен. Здесь живут СЕЙЧАС. Но в кредит. А для этого надо много работать и желательно двоим. Потому что если кто-то “выбывает” из строя по каким-либо причинам, комфортная жизнь рушится. Таким образом, молодая семья с хорошими зарплатами, работая вдвоем, может обзавестись таким “комплексом комфортной жизни”. Но работать, не переставая. Детей здесь не заводят сразу же, а попозже, годам этак к тридцати пяти первого. Через пару месяцев ребенок сдается на руки бэбиситтеру – выгоднее, если мать будет работать и платить

бэбиситтеру. Люди живут от чека к чеку (форма заработной платы здесь). Накоплений практически ни у кого нет. Войдя единожды в эту кабалу, ты уже не имеешь права остановиться.

Каждый праздник, хоть на денек продлевающий “уик енд” считается “манной небесной”. Их немного – День труда в начале сентября, День благодарения в конце ноября, Рождество и День независимости. В эти дни самые большие пробки на дорогах и скопления народа в аэропортах. Люди путешествуют... Еще один день за свой счет – и уже маленький отпуск.

Накануне Дня независимости Алик с Леной предложили нам поехать на праздники с ними. Программа предполагалась насыщенная. Владелец здания, где они раньше жили (того самого, в мексиканском районе) устраивает небольшое “пари” для русских у себя в доме. Затем предлагалось переночевать у их друзей, а на следующий день, пятого июля, их приглашали еще одни друзья на барбекю и заодно опробовать новый, только что установленный, бассейн. Я понимала, что они нас зовут с собой только потому, что нам некуда себя деть. И была им очень признательна. Конечно же, мы согласились.

Дом “владельца здания” был небольшим и скромным. Не было здесь той помпезности, которую можно встретить у “новых русских”. Громадная территория радовала глаз ухоженными газонами. Возле большого бассейна, под навесом,

были накрыты столы. Основными гостями «пари» являлись русские, проживающие в зданиях “владельца”. Сам хозяин, оказавшись скромным и приятным человеком, старался каждому уделить внимание. Позже, Алик рассказал мне, что он, не смотря на свои деньги и статус не стыдится, закатав рукава, делать ремонт в своих зданиях наравне с работягами. Жена и две дочери тоже были задействованы в семейном бизнесе. Все очень милые, любезные и простые.

Позже подъехали и Катя с Эдиком, у которых мы должны были остаться на ночь. Я много слышала о них от ребят. Это были их ближайшие друзья. Они оба работали в агентстве недвижимости. Катя, яркая брюнетка с красивым карими глазами, уверенная в себе и знающая, как подать себя. Она абсолютно не комплексовала на счет своего пышного телосложения и была центром внимания. Так же, как и Эдик. Он постоянно хохмил, смешил нас до коликов в животе.

Мы замечательно провели время: плавали в бассейне, общались с соотечественниками. Вечером, после десерта, стали собираться. Мы с Леной оказались в машине у Кати с Эдиком. Огромная белая “американка” представительского типа. Ехать было где-то около часа. Всю дорогу Эдик острил, а Катя подтанцовывала в ритм играющей музыки. По обе стороны дороги распускались букеты фейерверка. Наконец-то приехали.

Громадный двухэтажный дом новой постройки стоял на абсолютно необработанной земле. Такое чувство, что дом

поставили, а деревья и траву посадить просто забыли. Так и оказалось. Ребята въехали в этот дом относительно недавно.

—

Ника, не стесняйся, располагайся. Это мои владения, — радушно предложил Эдик, когда мы вошли в громадный холл.

Владения, надо заметить, были достойными. Я всегда любила простор. Здесь его наблюдалось с избытком. Высоченные потолки в два этажа и громадные окна создавали видимость огромного пространства в гостиной и прилегающей кухне. Их разделял только “айленд” (стол, разделяющий кухню и гостиную). На кухне необъятных размеров все покрытия на столах выполнены из малахитового цвета мрамора. Из кухни дверь выходила в столовую. На втором этаже было огромное количество спален. Каждая — со своей ванной и туалетом. Ну и, конечно, мастер-бедрум — хозяйская спальня. Ребята жили в этом доме вдвоем. У каждого имелось по дочери от первых браков, но дети приезжали иногда — редко. Одна — из колледжа. Вторая — от мамы.

Было поздно и мы отправились спать. Нам с Данькой выделили спальню дочки Эдика. Все в желтых тонах — ромашки, цыплята повсюду: на занавесках, на покрывале. Желтые полотенца в ванной завершали солнечную радостную картинку. Большая кровать, тумбочка и плетеное кресло папазан — ничего лишнего.

На следующий день, после кофе, Катя заявила мужу:

—

Эдик, ты должен заняться трудоустройством Ники. Придумай что-нибудь.

Они знали, что я работала много лет в туристической отрасли. Эдик позвал меня в столовую – она же комната переговоров. Сели за длинный стол. С очень серьезным лицом он мне стал задавать вопросы по-английски. “Прямо как на экзамене”, – развеселилась я.

–

Все ясно! –многозначительно подвел итог Эдик через несколько минут тестирования. – У тебя язык в пассиве! Будешь общаться – быстро восстановишь.

Как будто я сама этого не знала!

–

Если хочешь, я могу попробовать устроить тебя в туристическую фирму – это ведь близкое тебе направление, как я понял? – продолжал он. – Есть у меня одна знакомая, русская – хозяйка туристического агентства в Даун Тауне в Нью Йорке. Если она согласится и ей нужен человек, считай, ты там уже работаешь! Ничего не могу сказать на счет зарплаты – это уже с ней. Я дам тебе знать в ближайшие дни.

–

Спасибо! Буду тебе очень благодарна, если что-то получится!

–

Пока не за что! – любезно ответил Эдик.

Следующей нашей остановкой стал дом еще одних сов-

местных друзей – Полины и Коли. Они проживали на юге Нью Джерси. С дочкой Николь и двумя котами. Дом был не ахти какой, практически без территории. Но к задней стенке дома прилегал большой дэк (крыльцо), где помещались два стола с креслами. Спустившись с крыльца можно поплавать в небольшом бассейне, установленном, по большому счету, для Николь и ее друзей. Николь родилась уже в Америке. Поэтому и имя такое. Наши эмигранты стараются не называть детей, рожденных здесь, русскими именами. Полина и Коля познакомились в Америке. Она из Москвы, он киевлянин. Здесь же была и мама Полины, первой познавшей эмиграцию, а потом уже вызвавшей и дочь. Приятная, постоянно улыбающаяся, прекрасно сохранившаяся женщина жила отдельно, работала и вела активный образ жизни.

Ну и какой же День независимости без барбекю? Коля стоял “у руля”. Жарилось мясо и рыба. Стол был заставлен всякими закусками. Мы не успевали охладиться в бассейне: жара!

Полинина мама задавала мне множество вопросов – интересно ведь, новое лицо. Обсуждались насущные проблемы. Все были успешны и устроены – работали, занимались ремонтом и благоустройством домов, покупали новые и продавали старые машины, путешествовали и строили планы. И, главное, все были парами. Я себя чувствовала изгоем. Мама, зная, что я замужем, поинтересовалась:

Никочка, а когда твой муж приедет? Он ведь уехал временно?

—

Пока не знаю, — отвечала я, а сама знала : “Никогда”.

Было много шуток, смеха, музыки. Я веселилась со всеми, но в душе знала: поводов для смеха нет совсем. Здесь, в этой стране, у меня нет НИЧЕГО: ни дома, ни даже угла для проживания, ни машины, ни работы, ни мужа. Есть только пока одни проблемы. И будущее... Правда, неизвестно какое. А еще я знала, что пока я достигну хотя бы половины того уровня, на котором находятся эти ребята моего возраста, мне еще ох, как долго придется “кушать г-но” в Америке.

Было очень горько. Я понимала, что это нормально: все через это проходили. Но они были моложе, когда приехали сюда, а в молодости все легче. Нет амбиций, наверное. И ни у кого из них не было той налаженной жизни, которую я оставила там, в России. Добровольно. Без принуждения.

8. Знакомство с другими достопримечательностями Америки

В одну из суббот Алик с утра заявил:

—

Собирайтесь, поедem в Бруклин, на Брайтон.

Я, как и многие люди в Союзе была наслышана о Брайтон-Бич немало. “ На Дерibasовской хорошая погода — на Брайтон Бич идут дожди” — сразу всплывало в памяти на-

звание известного фильма. Я знала, что на Брайтоне много русских магазинов и наших соотечественников. Но одно дело представлять, а другое – увидеть собственными глазами. Реальность поразила меня.

Бруклин – большой район Нью Йорка и состоит, конечно, не только из Брайтон Бич. Из окна машины перед моим взором предстало очень много “пейсатых” – так здесь называют ортодоксальных евреев. Мужчины ходят с пейсами и длинными волосами, завязанными в узелки. Если лысый – значит нечего завязывать в узелок. Не повезло. Одежда не поражает разнообразием : большая шляпа и длинный черный лапсердак в любое время года. Зимой шляпа меняется на меховую шапку, а черный плащ на черное же пальто. Женщины все в париках. Нельзя выходить с непокрытой головой замужней женщине. А поскольку замуж выходят рано, то зрелище “впечатляет”. Длинные платья или юбки черного цвета, черные чулки и черные туфли на плоской подошве. Все как на одно лицо! Смотришь, девушка еще – красивая, стройная, молодая. Парик, вся в черном (как вдова) и рядом уже малмала-меньше. Завершает (или возглавляет) шествие глава семейства – здоровый “боров” (почему-то они все с большими животами). Тем не менее, всех все устраивает. Девочки знают о своей дальнейшей судьбе чуть ли не с пеленок. Мужчины почти все владеют своими бизнесами и отлично обеспечивают семью. Впрочем, еврейский мужчина всегда считался лучшим мужем. Живут ортодоксальные евреи не толь-

ко в Бруклине, но здесь их больше всего. От черноты одеяний кажется, что все в глубоком трауре. И смотреть неприятно и взгляд отвести не можешь!

Но вот, наконец, мы на Брайтоне. Честно говоря, я надеялась увидеть что-то более впечатляющее. Темная грязная улица, над которой проходит сабвей (метро), от чего становится еще серее. Постоянный грохот от проходящих над головой поездов подземки, которую в данном случае правильней назвать надземкой. Куча магазинов и ресторанов с русскими названиями, причем, в основном в уменьшительно-ласкательной форме. Например, “Картошечка”, “Пельменьчик”, “Тортик” и тому подобное. Не хватает фантазии, что ли, назвать как-то по-другому? В магазинах полный ассортимент всего того, чего не хватало нашим советским людям на полках в “застойные времена”: великое множество колбас-сосисок-окороков-сыров, большое разнообразие икры на любой вкус и кошелек, соленья, варенья, различные консервы. Ну, и чтобы хозяйкам совсем ни о чем не надо было думать – громадный выбор готовой еды, начиная от простейшего салата-оливье и заканчивая пирожками-блинами-голубцами. Одним словом, есть не хочу. Качество, безусловно, не такое, как было в советской “Кулинарии”... О кондитерских изделиях я даже говорить не хочу – настоящий “наполеон” можно поесть только на Брайтоне. Не мудрено, здесь собрались повара всех видов “кухонь” бывшего Советского Союза. Хотите хачапури? – пожалуйста! Желаете

те долму сегодня? – На здоровье! Борщ ?– Приятного аппетита! Продолжать можно бесконечно. Ясное дело, что и в рестораниках здесь можно недорого и вкусно поесть. Думаю, это одна из основных причин, почему наши бывшие соотечественники стремятся осесть здесь, в Бруклине.

Будучи на Брайтоне, я немного растерялась: как бы выпала из пространства. Вроде бы только что я была в Америке. А тут – все поголовно на русском, причем не просто на русском, а на русском с примесью украинского с бердичевско-жмеринским акцентом. Раньше, говорят, здесь жили только одесситы. В Одессе известно четверостишие:

У нас на Брайтоне веселая мишпуха.

У нас на Брайтоне отличные дела.

Ты здесь услышишь, если ты имеешь ухо,

Что эмиграция смогла и не смогла

Это явилось одной из главных причин, почему мне было интересно посетить этот небезызвестный район Нью Йорка. Наверное, и сейчас здесь проживает немало одесситов, но численность их очень разбавлена эмигрантами из остальных частей бывшего Советского Союза.

С Брайтон Бич вышли на знаменитый брайтоновский “boardwalk” – деревянную набережную вдоль океана. ОКЕАН! Я всегда была равнодушна к водной стихии – родясь в Одессе да еще под знаком Рыбы. Для меня вода – это жизнь! Всякий раз, приехав на море и впервые войдя в воду, я чувствовала, как смывается весь негатив, накопленный с мо-

мента моего прошлого свидания со стихией. Пока остальные прогуливались по деревянной части я, сняв босоножки, сбегала на песчаную полосу вдоль воды. Немного постояв на мокром песке и любуясь искрящейся в лучах солнца водой, я попросила: «Пожалуйста, океан! Я прошу, чтобы у нас с Данькой все получилось в этой стране: чтобы я нашла работу, он выучился и получил хорошую специальность, чтобы меньше было трудностей и невзгод на нашем пути, чтобы мы состоялись здесь и жили не хуже, а даже лучше, чем в Москве! Чтобы я нашла свое счастье!» Может быть, это ребячество, но я всегда верила в силу водной стихии. А главное, ведь верить!

Океан ответил мне волной, ударившейся о мои ноги.

По набережной прогуливались влюбленные, выгуливались дети и собаки. Стояло много скамеечек, на которых наслаждались жизнью «дети солнца». Так в Одессе называли пенсионеров, оккупировавших скамейки в Городском саду и на Соборной площади. «Вот они, одесситы!» – подумала я и стала вглядываться в лица: «Да, действительно старые одесские лица!»

В конце набережной было много африканцев – праздновали День независимости Эфиопии. В национальных длинных белых одеждах, головы покрыты чем-то наподобие чалмы, они толпились возле музыкантов, играющих на африканских барабанах, подтанцовывая в такт музыке и подпевая. Народу было весело! Конечно, есть повод для веселья – попасть из

африканской нищей страны, живя впроголодь, без какой-либо медицинской помощи в богатую и сытую Америку, где у них есть все! Это ли не счастье? Жизнь удалась! Даже если они и работают на самых низкооплачиваемых работах здесь, они могут позволить себе снять жилье, купить машину, хорошо питаться и иметь бесплатную медицинскую страховку для малоимущих – Медикейд.

Сфотографировавшись на память и пообедав в известном ресторане «Татьяна», расположившемся на той же деревянной набережной, мы отправились через Брайтон на паркинг. Пора было уезжать назад, в Нью Джерси. По пути зашли купить «наполеон» с собой, домой. В магазине мне нарисовалась картина, как будто я и вовсе не уезжала из России. Куда делась вежливость? Где улыбки, присущие продавцам американских магазинов? Все было по-советски. Хозяйки долго стояли у прилавков в раздумьях. Следующие за ними покупатели подталкивали их:

– Ну Вы-таки уже покупаете что-то или будете думать еще два часа?

– Женщина, берите и уходите – за Вами очередь! – возмущение в голосе.

Слово «извините», если кто-то случайно толкнул вас, не существует. Вежливости и культуры нет и в помине. Нет ощущения, что ты находишься в Америке. Люди создали для себя свой мир – Советский Союз на другом континенте, за океаном. С переизбытком продуктов на полках. Все осталь-

ное осталось прежним. Нравы, обычаи, культура (или отсутствие таковой), одежда и даже язык (включая матерный). Все вывески – на русском, продавцы все русские. Не надо напрягаться и учить язык (о чем я уже писала ранее). Старикам, конечно, здесь раздолье. Они, на полном обеспечении государства, вроде как и не уезжали никуда: общаются с соотечественниками, говорят на своем родном языке да еще и гражданство американское получают.

А что же среднее поколение? Многие язык тоже не учат – в пределах необходимости сделать покупки и пообщаться с сотрудниками общественных организаций по оказанию материальной помощи. Стараются выбить от государства всяческие блага: Вэлфер, талоны на питание и другие пособия для малоимущих. У многих есть Медикейд. Одновременно они подрабатывают где-то на «кэш» (наличные, с них не надо платить налоги) и живут припеваючи. Такие “малоимущие” ездят на БМВ и Мерседесах, купленных на чужое имя.

Здесь, как и в России, среди русских (как, кстати, и среди черных) показателем престижной налаженной жизни является марка твоего автомобиля. Без кола, без двора, с голой задницей, но на Мерседесе. Среди американцев нет такой “показушности” – очень часто действительно богатые люди ездят на новых, но более скромных автомобилях.

Интересно, почему мы, русские, стараемся все делать на показуху? “Посмотрите, я на БМВ, а костюм у меня от Кристиан Диор!” Кому это интересно? Таким же как мы, рус-

ским! В этом наш менталитет! Выпендриться! Наверное от того, что у нас в Советском Союзе никогда ничего не было: все недоступно. Помните, с каким трудом из-под полы доставались простые джинсы когда-то? Поэтому дорвавшись, многие стараются выпендриться хоть здесь, сейчас! А кому это нужно здесь? Таким же, как мы! Поэтому мы и живем здесь, среди своих, в Бруклине.

Конечно, много русских живут и в Нью Джерси и их тоже видно издалека. Но здесь концентрат всего и от этой картины становится нехорошо. Впоследствии, приехав в Бруклин зимой, я, зайдя в овощную лавку, наблюдала следующую картину. Женщины покупали овощи и фрукты – все в норковых шубах. Если бы здесь оказался фотограф, можно было бы снять неплохой каталог меховых изделий из норки. Одна, наиболее “крутая”, в коротком меховом манто с широкими рукавами, запутываясь, разгребала картошку.

Отдельно хочу сказать об изучении языка. Очень часто слышу от русских, которые не работают здесь или работают со своими:

–

А зачем мне изучать? В магазине дай деньги и тебя поймут! Книжки и фильмы на русском.

Конечно, это личное дело каждого, сколько языков ему знать, проживая у себя на Родине. Ты можешь не знать вовсе ни одного, кроме своего родного. Но ты приехал в чужую страну, она приняла тебя, дала все необходимое для жизни и

предлагает возможность бесплатно(!) выучить язык. Почему бы не сделать это? Хотя бы в знак уважения к Америке. Хотя бы на минимальном уровне.

Забегая вперед, скажу, что летя как-то в Москву американской компанией “Дельта”, сидела рядом с типичной бруклинской теткой лет пятидесяти-пяти-шестидесяти с размалеванным лицом, огромным декольте и кучей бриллиантов на пальцах. Она всю дорогу возмущалась, что стюардессы не говорят на русском! Надо же, как это, американские стюардессы, работая в американской же авиакомпании, обязаны обслуживать тебя на русском языке! А ты, жирная корова, проживающая уже много лет в Америке, не удосужилась выучить пару простых фраз, чтобы выбрать себе меню на ужин на английском языке. Зато она, не растерявшись, познакомилась со стюардессой из Чехословакии, которая более-менее что-то понимала на русском и за девять часов полета успела положить себе в сумку немало маленьких бутылочек с красным вином, которые предлагаются во время еды:

—

Вот завтра с дочкой и выпьем за мой приезд! – прокомментировала она,

почувствовав на себе мой красноречивый взгляд.

Одним словом, после экскурсии по Брайтону я поняла, что все, от чего я бежала из России – вот оно, налицо здесь. Нет, пожалуй, только алкоголиков на улице. Я понимаю, что многие люди, проживающие в Бруклине, осели здесь не по сво-

ей воле. Все мы едем к кому-то: родственникам, знакомым, друзьям и первое твое место жительства будет там, где живут твои близкие.

После поездки остался противоречивый осадок – стыд за свою нацию и облегчение, что ты оттуда уехал. Но одна мысль в моей голове была абсолютно ясной и без противоречий: “Если бы Алик жил здесь и первой точкой моего пребывания в Америке был Бруклин, на следующий день я бы уехала назад, в Москву. Без сомнений.”

Следующая моя поездка в Бруклин состоялась очень не скоро.

Сегодня наконец-то свершилось! Мы получили свои номера Социал секьюрити. Правда, выстраданные – почти два месяца прошло с момента нашего приезда в Америку. Но все равно. Ура! Теперь дело должно пойти веселей!

«В первую очередь надо открыть счет в банке, тогда можно уже и квартиру снять. Имея адрес, без проблем устроить ребенка в школу и сдать на права”. Это был мой план-минимум.

Счет в банке я открыла без проблем, а вот с квартирой все было не так легко. Надо отметить, что здание, где я жила у ребят и собиралась снять жилье, слыло очень популярным. Пустые свободные квартиры не застаивались. На момент, пока мы получили необходимые документы, пустовала всего одна квартира, и уже около полугода. Почему пустовала? Она была нестандартная – самая маленькая в здании, но

по цене соответствовала средней.

В этом здании несколько видов квартир: однобедрумные, двухбедрумные и студии. Однобедрумные – как у Алика – я уже описывала, двухбедрумные – большие: с коридором, еще одной спальней, из которой можно войти в ванную, совмещенную с туалетом (это своего рода мастербедрум). Студия – просто комната, без коридора, в которой здесь же и подобие кухни – плита, мойка, маленький столик и пара шкафчиков, не отделенной от гостиной ничем. В маленьком ответвлении сбоку располагается холодильник, кладовая и дверь в ванную, совмещенную с туалетом. Одним словом, квартира для одного человека, который не готовит – прийти, поспать, утром выпить кофе (эта кухня как раз для этих целей и количество кухонных шкафчиков выделено только под чайник-тостер) и уйти на работу. Правда, в каждой квартире имеется огромный балкон-лоджия, на котором можно поместить даже обеденный стол со стульями. Все апартаменты очень светлые за счет балконной стеклянной двери от пола до потолка и больших окон во всю стену. Я всегда выбирала все свои квартиры по этому принципу – много света. Иначе, как в гробу.

Квартира, которая явилась на данный момент свободна – ошибка архитектора: единственная во всем здании. На шестом этаже, по ошибке, из студии (которую я уже описала) открывалась дверь в спальню (ту самую мастербедрум в приложении с туалетом и ванной), которая была ошибочно отсо-

единена от двухбедрумной квартиры и присоединена к студии. Получилось не пойми что – маленькая студия без кухни, но со спальней и две ванные. То есть для одного человека и для пары это много (зачем паре две ванные, за которые надо доплачивать лишние деньги), для семьи эта квартира недостаточна. Стоила она столько же, сколько и односпальная с полной большой кухней и дайнинг рум, из которой многие делают вторую спальню. За счет того, что в ней два туалета с ванной. Безусловно, это громадный плюс. Но как быть с кухней? Я хорошая хозяйка и люблю готовить. Как же я размещусь здесь?

Можно было ждать, пока освободится что-то еще. Но не в нашем случае – мне и так стыдно было в глаза смотреть ребятам. Одним словом, альтернативы не было. Мы подали заявку на эту квартиру. Да-да! Заявку, а уже менеджмент здания рассматривает, имеет ли потенциальный арендатор право на это жилье или нет. Проверяется кредитная история, платежеспособность и история предыдущих отношений с арендодателем: не было ли долгов, проблем с оплатой и прочего. Также прилагается справка с места работы с доходом будущего арендатора. “Истории” в Америке у нас не имелось – мы только прибыли. Справку Алик нам сделал о годовом окладе тридцать пять тысяч долларов в год. Зарплаты оказалось мало для того, чтобы нам дали эту квартиру (месячная сумма аренды на тот период составляла одну тысячу долларов). Электричество не входило в стоимость. Отопление,

идущее от кондиционеров, работающих летом на холод- зимой на тепло, тоже. Менеджмент опасался за то, что я въезжаю с четырнадцатилетним подростком: в случае, если не смогу осилить арендную плату они не имеют права выселить меня из-за ребенка. Вот такие законы. Мне пришлось сделать нотариально заверенный перевод договора аренды моей московской квартиры и справку из туристической фирмы о доходе оттуда (конечно, не существующем). Только тогда они успокоились и подтвердили мою возможность занять эти апартаменты.

—

Пойдем взглянем еще раз на наше первое жильё в Америке,— предложила я Даньке.— Может, она и не такая плохая, как нам показалась

вначале.

Доделывались последние работы и въехать мы пока не могли, но посмотреть — сколько угодно. Все равно уже чувствовалось: вот оно, близко! Скоро въедем и кончатся наши мытарства по чужим углам. Зайдя в квартиру, я поняла: сколько не смотри — размер так называемых “апартаментов” не увеличится. Да, развернуться здесь негде.

Конечно, я еще не видела плохих квартир в Америке, а сравнивала только с теми, в которых была — то есть в этом же здании, но больших. Да еще с моими московскими, которые без зазрения совести можно было назвать апартаментами. У Даньки в нашей московской квартире была своя комната

метров двадцать с высоченными потолками, а что здесь? Ему придется спать в проходной комнате? Для подростка очень важна возможность уединиться, иметь свое “частное” пространство! Я уже была готова отдать ему спальню, но вечером, будучи в гостях у Жени с Олей и затронув эту тему, они быстро мне “вправили мозги”:

–

Никочка, он еще ребенок – ему все равно где спать, – «запела»

Оля своим сладким голоском, – Даничка, маме нужна своя комната

обязательно. Она будет работать, уставать, ты ведь можешь немного потерпеть?

–

Мне все равно, – равнодушно ответил Данька.

В тот же вечер мы все вместе отправились гулять вокруг домов. Наше восьмиэтажное здание возвышалось среди одно-двухэтажных домиков, срисованных как с картинки о благополучной американской жизни. С ухоженными цветниками вокруг. Практически каждый вечер совершая наш моцион с Данькой, мы выбрали маршрут с остановкой возле зачаровывающей панорамы Манхэттена с противоположной стороны Гудзона. Нью Йорк светился огнями, напоминая заставку к фильмам голливудской компании “MIRAMAX”. Мы находились на горе, с которой открывался вид на Плазу с магазинами и ресторанами. Все сверкало огнями, от-

ражающимися в Гудзоне. Счастливики, прикупившие дома с видом на Манхэттен, наслаждались панорамой, не вставая со своих домашних кресел. Самым красивым и необычным здесь был дом, сделанный практически из стекла. Он очень отличался от остальных строений, построенных если не по одному, то по типичным проектам. Колониальный стиль, стиль «Тюдор», какие-то новые дома-крепости.

Этот дом напоминал стеклянный корабль со скошенными стенами. Конечно, он бы лучше смотрелся где-то на берегу океана. Наверняка, по таким проектам и возводят дома голливудские звезды в Лос Анджелесе. Дом-мечта, дом-полет, дом для очень богатых людей. Громадные окна не были закрыты занавесками-жалюзи и каждый проходящий (их здесь никогда нет, кроме русских эмигрантов) мог лицезреть внутреннюю красоту. Музей! Безусловно, этот дом принадлежал богатому и влиятельному человеку. Им владел мэр города.

—

Смотрите, сколько всего выбросили!— воскликнул Женя, привлекая наше внимание к огромной горе ненужных вещей, возвышающейся возле дома мэра.

Я до сих пор еще не упомянула об очень важной «достопримечательности» Америки – «гарбидже» (мусоре). Не буду первой, кто описывает, сколько всего «хорошего для использования в быту» выбрасывают американцы. Практически все эмигранты вначале что-то подбирают на улицах.

Это не помойка. Люди, которые покупают что-то новое, выставляют устаревшее возле дома. Подходишь, смотришь. Хочешь-берешь, нет- проходишь мимо. Обычно такой «большой мусор» как мебель, электроника выставляется в субботу-воскресенье, чтобы в понедельник мусорная машина забрала его.

Мне вначале было безумно стыдно. Я ведь понимала, что люди в доме видят, как ты рассматриваешь то, что они выбросили и смеются. Это я так думала. Но потом Женя с Олей меня успокоили:

—

Никуля, ты что, здесь все так начинают! Ничего в этом стыдного нет! Ты ведь не можешь все купить новое, а так вполне приличные еще вещи.

Прогуливаясь до этого с Данькой, мы выбрали наш первый телевизор «Сони» в хорошем состоянии, который нам отслужил верой и правдой полгода, пока мы «не разбогатели». Тостер и микроволновую печку. Микроволновка, правда, была без тарелки, на которую ставится подогреваемое, ну да не беда! Я что-то приспособила и печь нам прослужила тоже долго. Пару торшеров (как раз в каждую комнату по торшере). Монитор для Данькиного компьютера. Процессор он привёз из Москвы, а монитор – нет! Нужен же ребенку монитор!

Это все накапливалось еще до переезда в наше собственное жильё, поэтому горка нашего гарбиджного приданного

в квартире Алика и Лены увеличивалась.

А что я могла сделать? Я ведь не могла пропустить хорошую микроволновку, надеясь, что мы ее найдем потом, уже имея свою квартиру. Было стыдно: каждый раз, когда мы приходили с находкой, у ребят были гости, ужинающие за столом в ливинге. И тут мы, с торшером, например, вваливаемся. На нас смотрели с недоумением – люди жили в Америке много лет и, наверное, уже не помнили своего прошлого. И смех и грех! Смех-смехом, но это стало уже своего рода традицией : воскресенье – вперед! Помойка!

Увидев гору «гарбиджа» возле дома мэра, мы устремились к ней: своего рода конкуренция! Чего там только не было: чемоданы и коробки с посудой, спортивные кубки, гольфовые клюшки, вся амуниция для хоккеистов и игры в американский футбол, какие-то куклы и несколько неплохих кожаных стульев. Много не унести, а машины нет.

Данька обвесился «хоккейными» делами и прихватил несколько клюшек для гольфа.

–

Ника, я бы на твоём месте взяла пару стульев – они тебе ох, как пригодятся!-заметила практичная Оля.

–

Оля, я не хочу начинать жизнь в Америке со старой мебели. Да мне их и оставить пока негде! Если я сейчас приду к ребятам со стульями, меня с ними же и попрут назад! – представила я расширенные от ужаса глаза Лены с Аликом,

в случае если бы мы заявили со стульями. Все хорошо в меру!

—

Бери! Лишние стулья пригодятся всегда! Даже если будут на балконе для гостей... Пусть у нас постоят до тех пор, пока вы не въедете, — предложила сердобольная Оля.

Картина нашей компании, идущей по улице с находками, впечатляла. Худой сгорбленный Женя в шерстяных носках (он всегда носил шерстяные носки, наверное, ноги мерзли) с одним стулом на голове и какой-то коробкой. Мой Данька тоже со стулом и большой спортивной сумкой с каким-то приданным (сумка прилагалась). Хромающая Оля (она хромала еще с тех пор, как провалилась в сугроб) несла большую куклу, как будто убаюкивала ребенка. Глаза были грустные, как у Джульетты Мазины в финале фильма «Ночи Кабирии» — она мне чем-то напоминала ее. Я с какой-то коробкой — не помню уже, что было в ней. Дурдом на выезде! А идти до нашего дома минут пятнадцать-двадцать.

Проезжающих машин было немного, но каждая при виде нашей компании притормаживала — не часто увидишь в богатом районе такую веселую компанию! Периодически Женя опускал стул на землю и садился отдохнуть и покурить. Каждый раз, вспоминая эту сцену, меня охватывает истерика.

9. Первая работа

За несколько дней до предполагаемого въезда в нашу

квартиру, позвонил Эдик:

–

Ника, привет! Все в порядке! Я договорился, можешь ехать в Нью Йорк на собеседование в туристическую фирму!

–

Да что ты! Спасибо тебе огромное! – обрадовалась я.

–

Пока не надо никаких благодарностей, записывай адрес, телефон. Хозяюку фирмы зовут Маша. Ты была когда-нибудь в Дайн Тауне? Нет? Тогда записывай «дайрекшн» (направление, маршрут), – продиктовав все данные, он пожелал удачи и отключился.

На следующий день, предварительно созвонившись с Машей и договорившись о времени для встречи, мы с Данькой направились в Нью Йорк. Я должна была подъехать в агентство к пяти часам, практически к закрытию. Зная, что долго не пробуду взяла с собой ребенка, погулять по городу.

В Даун Тауне до этого мне не приходилось бывать. Обычно из Нью Джерси мы ехали маленьким (мы его называем испанским – потому что водители испанцы) автобусом до 42-й улицы. Ехать минут тридцать со всеми остановками. Останавливаются они часто: каждый пассажир – их «хлеб». До Даун Тауна надо добираться метро (сабвей).

Первый раз спускаемся в Нью йоркскую подземку. Описывать не буду. Куда уж там сравнивать с московским... Я метро не люблю вообще. Нигде! Особенно после взрывов в

Москве. Чувствуешь себя очень незащищённой – замкнутое пространство да еще под землей. Да, в отличие от московского метро, Нью Йоркская подземка, конечно, не музей. Но зато в поездах здесь отлично работают кондиционеры. На улице пекло, середина июля, а мы наслаждались прохладой, что не скажешь о московском метро. Там просто открываются окошки и едешь с ветерком. Я поняла, что на дорогу у меня будет уходить немало времени и денег (в среднем в оба конца маршрут обходился в десять долларов ежедневно!)

Фирма находилась в большом красивом здании на соседней с Уолл Стрит улице, совсем недалеко от взорвавшихся «Близнецов». В фойе здания улыбающийся черный охранник в красивой униформе поинтересовался, куда я направляюсь. Записав свою фамилию в тетрадь посетителей, я поднялась на восьмой этаж, где и располагалось туристическое агентство.

Войдя, я оказалась в комнате, на стенах которой, как и принято в турагентствах, висело множество постеров, приглашающих путешествовать. В комнате никого не было – рабочий день закончился.

–

Я здесь! – услышала я из соседней комнаты. – Маша! – представилась мне симпатичная молодая женщина, в глазах которой плясали огоньки. Мне она сразу очень понравилась.

–

Ника! Очень приятно.

Поговорив о Москве, России, в которой, как оказалось, Маша не была уже десять лет, о туризме в России, мы подвели тему к местному туризму. Я, в общем-то профессионал по многим направлениям, куда отправляют отдыхать туристов из России, не знала ничего о курортах на Карибах, в Мексике и других таких популярных направлениях здесь, в Америке. Конечно, я отправляла несколько раз людей в Мексику: «классика» – недельный тур по историческим местам. Да и не особо хотели люди ехать в Мексику – далеко! В основном, мы отправляли в Турцию-Египет-Кипр-Канары-Испанию на отдых и в Италию-Францию-Бенилюкс для культурного отдыха.

–

Ну ничего, – оптимистично сказала Маша. – Вот, возьми каталоги, ознакомишься дома. Я тебя подучу. Освоишь системы по продаже авиабилетов – сама будешь все делать!

–

У нас все работают на «комиссии» со сделок – зарплаты как таковой нет. Поэтому, конечно, хорошо когда есть свои клиенты. – продолжила хозяйка фирмы.

Это и ежу понятно. Мы все время гонялись за клиентами и очень расстраивались, если по каким-либо причинам они перебегали в другую фирму. Но в Москве я проработала в туризме десять лет и у меня были свои постоянные и какие-то немногочисленные, вновь появляющиеся, клиенты. Где же я возьму туристов здесь? Я никого не знаю. Меня

никто не знает. Бесперспективно, но другой альтернативы у меня нет. Надо попытаться по крайней мере! Договорились, что я буду ездить три дня в неделю так как девушка, на место которой меня берут, пока в процессе увольнения.

И я стала ездить в Нью Йорк, почувствовав себя «полноценным членом общества». Конечно, график у меня был весьма щадящим. Я не толпилась в час пик в автобусе и метро – ездила на работу к одиннадцати, но все равно очень уставала от дороги. Всегда относясь негативно к общественному транспорту, в Москве последние десять лет я забыла, что это такое. И вот, опять! Автобус-метро-автобус. Нью Йорка я практически не вижу. Из автобуса «ныряю» в метро, а там уже в Даун Тауне минут пять пешком – и ты в офисе. И назад тем же маршрутом. Должна заметить, что здесь очень многие из Нью Джерси ездят в Манхэттен на работу. Поэтому если в час пик оказаться в районе 42-й улицы возле Автобусной станции, вас закрутит водоворот людей, спешащих на работу или с работы домой – толпы, не замечающей Нью Йорка, а несущейся каждый день в одном и том же направлении и прибывающей в мировую столицу ежедневно вовсе не для развлечений, а для того, чтобы получить чек в конце недели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.